

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

МЕСТЬ

ИЛИ ГРУБЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Грубые развлечения

«ЭКСМО»

2005

Колычев В. Г.

Грубые развлечения / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2005 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Преуспевающий бизнесмен Васильев совратил одноклассницу своего сына, а когда узнал, что у нее будет ребенок, бросил ее. Девушка предпочла смерть. Но не знал тогда Васильев, что грехи молодости отзовутся ему через годы. Несколько лет спустя произошло убийство, в котором он оказался замешан, но убийцу отыскать не удалось. Сыщик, расследующий это дело, поначалу зашел в тупик. Однако тайное рано или поздно становится явным. Когда он все же нашел улику, то понял, что история у этого преступления давняя. И теперь Васильеву придется вспомнить все...

Содержание

Часть I	5
Предисловие	5
Глава первая	17
Глава вторая	24
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Колычев

Грубые развлечения

Часть I

Предисловие

Последний звонок. Конец учебного года, конец школьной эпохи. Цепи сброшены. Но они уже не кажутся теми цепями, которые связывали тебя по рукам и ногам, а теми, что приковывали к дорогому и родному месту, именуемому школой. А вот теперь эта связь оборвалась, и ты чувствуешь себя так, будто находишься в корзине воздушного шара, который может занести тебя черт знает куда. Не страшно, просто дух захватывает. Свобода! Как хочешь, так и одевайся, хочешь, пуд косметики на лицо наложи, хочешь, вообще не красься. Молодежные тусовки, диско-клубы, мальчишки. Да, парили учителя нравоучениями, пилили девчонок за излишнюю экстравагантность, мальчишек – за пиво и сигареты, но сейчас кажется, не очень-то и строго. А классная, Эльвира Валерьевна, которую все ненавидели, нынче воспринимается чуть ли не матерью родной. И куда только злость на нее делась.

Ася Караваева считалась в школе неплохой ученицей. Она хорошо училась, прилично одевалась, штукатуркой лицо не обкладывала – так, губы подкрасит, ресницы удлинит, задницей на переменах не крутила. В диско-клубах допоздна не зависала – так засветится иногда, чтобы в разряд отстойных не попасть. С мальчишками дружила, но дальше невинных поцелуев дело никогда не заходило. Курила сигареты, травку же ни-ни – знала, что наркотики – это смерть. Знала сначала это чисто теоретически, потом был и конкретный пример – недавно их одноклассника Рому Хольнева от передоза насмерть сплющило. Его дружок Мишка Кротенко после этого даже с травкой завязал, не то что с «герычем». Правда, курс лечения пришлось пройти, но ничего, до сих пор держится. И смех и грех с Мишкой, он с наркоты конкретно на девчонок переключился. И как итог Ирку Леушинскую обрюхатил, а жениться не хочет. Да Ирка сама виновата, была бы умней, ноги б не раздвигала. Или бы предохранялась. С пацанов-то какой спрос, им же на акушерском кресле не корчится... Да, такая вот у них в классе интересная жизнь. Была. И пока что есть. Сдадут экзамены, пошумят на выпускном балу, повеселятся, и все, каждый пойдет своей дорогой...

Последний звонок прозвенел, директриса толкнула слезную речь, классная немного пострадала сложными темами экзаменационных сочинений. На этом все и закончилось. Но домой идут только отстойные, продвинутый пипл сбивается в кучу. Единого мнения, что делать дальше, нет. Юрка Шлыков агитирует за кафешку, Сашка Васильев тащит всех к себе домой. Но вот консенсус достигнут – решено сначала идти в кафе, а затем к Сашке домой.

В кафе возле стойки бара на стене висело большое зеркало. Ася не удержалась, глянула на свое изображение. Выглядела она славно. Каштановые локоны, большие серые глаза, аккуратный носик, чувственные губы. И фигурка очень даже ничего – высокий бюст, тонкая талия, в меру развитые бедра. И ноги ровные, не толстые – хоть и не от ушей растут, но в туфлях на высоком каблучке кажутся длинными. Наряд на ней не самый стильный, чисто школьный стиль – белый верх, темный низ, но все равно Асе казалось, что на красной ленте выбито не «Выпускник-1999», а «Королева красоты». Увы и ах, в школе она не входила в число записных красавиц. Любка Шульгина так напрямую ей и сказала – индивидуальности ей, видите ли, не хватает. Сама-то Любка еще та индивидуальность, чуть ли не с пятнадцати лет в ночных клубах с богатыми дяденьками зависает, аборт делать не успевает. Девка она красивая, яркая и

без комплексов, потому пользуется повышенным спросом. Вот и сегодня из школы она уехала на черном «Ауди» с каким-то хачем за рулем. И вряд ли этот ухарь в загс ее повез. Отпразднуют последний школьный день в каком-нибудь крутом кабаке, а затем постель. Так и будет Любка из койки в койку скакать. Не завидует ей Ася. Она ж не шалава какая-то, чтобы жить с дверцей нараспашку. Она хоть и не «синий чулок», но намерения у нее по жизни самые что ни на есть серьезные. Сдаст выпускные экзамены, поступит в МГУ на экономический, отучится, устроится на высокооплачиваемую работу. Головой нужно делать карьеру, а не тем, что между ногами...

Компания в кафе не задержалась. Уговорили две бутылки шампанского на восьмерых и отправились домой к Васильеву. Шлыков предложил скинуться на бутылку финского ликера, но Сашка запротестовал. Дескать, дома у него полный бар, и отец не будет возражать, если сын залезет в его закрома.

Сашка говорил, а сам смотрел на Асю так, будто собирался залезть не в отцовский бар, а к Караваевой под юбку. В принципе он имел на это право, потому как они с Асей были близки, однако не настолько, чтобы спать вместе. Целовались, да, а однажды Сашка даже раздел ее догола и так жарко ее ласкал, что она едва удержалась на тормозах. С тех пор Ася избегала соблазна остаться с ним наедине. Сама не знала почему. Сашка парень видный, и мир бы не рухнул, если бы он стал ее первым мужчиной. Девственность давно уже не является ценностью, но все равно что-то не хочется распечатываться. Видимо, нежелание рано становиться женщиной сидит в ней на подсознательном уровне. Плюс житейская мудрость. Может быть, Ася устарела в своих представлениях о женском целомудрии, но ей хотелось, чтобы первым ее взял муж или хотя бы жених. Ведь приятнее же взять в руки новенькую купюру, а не бывшую в обращении. Сашка парень хороший, но ветреный. Им не по пути. Так что пусть ищет себе другую мокрую шелку...

Сашка жил недалеко от школы в стандартной крупнопанельной многоэтажке. Последний раз Ася была у него в гостях в январе месяце. Тогда-то он и разложил ее на старенькой скрипучей тахте в гостиной. С тех пор она к нему ни ногой. Да и он, если честно, не звал ее к себе больше. Хотя ухаживать вроде бы и не прекращал...

Темный, захламленный подъезд, в грязном лифте запах мочи – все как в прошлый раз. Однако сама квартира Саши изменилась. Вместо самодельной решетчатой двери на две квартиры стояла основательная сейфовая дверь с золочеными ручками. А за дверью вместо тамбура просторная прихожая с гипсовой колонной посередине. В ней – подвесной потолок с множеством лампочек, жидкие обои, декоративный паркет, встроенный в стену шкаф-купе, кожаный угловой диванчик, красивая, под старину, амфора на стеклянном столике. И в комнатах тот же новомодный дизайн, ультрасовременная мебель и техника...

Оказывается, Сашкины родители выкупили соседнюю квартиру, объединили ее со своей, сделали евроремонт и заново обставили. И все за каких-то четыре месяца. Ася же ни сном, ни духом... Сашка смотрел на нее и загадочно улыбался. Дескать, сюрприз... Теперь понятно, почему он не приглашал ее к себе домой все это время...

– Сашка, круто! – завороченно протянула Тонька Безрукова.

– Да, хатка у тебя путевая, – с кислым видом отозвался Шлыков.

Ему очень не нравилось, с каким видом Тонька смотрит на Васильева. Ведь она считалась его девчонкой, как бы не перекинулась на Сашку. Честно говоря, и Асе такая перспектива не улыбалась. Нельзя сказать, что она держалась за Васильева, но и терять его как бы и не хотелось.

А квартира и в самом деле супер. Из санузла и кухни Сашкины родичи сделали большую ванную комнату, в ней импортная сантехника, джакузи. Из старой гостиной и спальни – огромный каминный зал. А новая спальня на загляденье. Огромная кровать с балдахином под старину и все остальное на зависть. И Сашкина комната выше всяких похвал. Спальный гарнитур в молодежном стиле, на письменном столе раскрытый ноутбук, телевизор с большим экраном.

Тонька с ходу плюхнулась на его полутораспалку.

– Мамочки, матрас какой мягкий!

– Ортопедический, – гордо пояснил Сашка. – Повторяет контуры тела...

– Всех частей тела? – с похотливой лукавинкой во взгляде спросила Тонька.

– Да, начиная с твоей задницы, – ревниво буркнул Юрка и быстрее, чем следовало бы, поспешно вышел из комнаты.

– Никто ничего не слышал, – ухмыльнулся Костя Лукьянов и тоже исчез.

Народ собрался в зале. Там было где развернуться. Большущий кожаный диван, кресла, в каждом из которых могло уместиться сразу два человека. В углу самый настоящий бар, но без стульев за стойкой. В баре спиртное изобилие. Текила, виски, коньяк, ром, мартини всех сортов – глаза разбегаются.

– Девочкам полегче, мальчикам покрепче, – рассудил Сашка.

– Где ты здесь девочек видишь? – кокетливо повела бровью Тонька.

Сашка сделал вид, что не услышал ее. И сделал ей коктейль из мартини. Но Тонька от коктейля категорически отказалась. Ей, видите ли, текилу подавай, да чтобы с солью. Что ж, вольному воля. Ася взяла приготовленный для Тоньки коктейль.

Под музыку спиртное шло так хорошо, что после второго бокала у Аси не возникло мысли отказаться от третьего. Народ танцует, веселится. И ей легко и просто. Даже Тонька не раздражает, а та, похоже, окончательно переключилась на Сашку. А Юрка злится. Сидит в кресле с бутылкой в руке и напивается... Сашка на Тоньку не западает, знаками внимания ее не балует, но все равно, как бы чего не вышло. Юрка такой, и Тоньке может навешать, и на Сашку с кулаками полезть. А он злится все больше, обстановка накаляется...

Ситуацию разрядил Сашкин отец. Он появился неожиданно. Непринужденно вошел в зал, остановился возле стойки бара, молча откупорил бутылку виски. Спокойно насыпал лед в бокал, наполнил его на два пальца.

Он и не думал ругать сына за его самостоятельность, никого не прогонял, но все же своим присутствием внес определенный элемент скованности в настроение разгулявшихся масс. Народ притих. Юрка же воспользовался моментом, взял Тоньку за руку и чуть ли не силой вытянул из дома. Дескать, раз уж родители появились, то им здесь делать нечего. Дмитрия Александровича ничуть не смутило его поспешное бегство. Он спокойно допил свое виски, ободрительно хлопнул сына по плечу и вышел из комнаты. Ася проводила его замороженным взглядом.

Дмитрий Александрович был примерно одного возраста с ее отцом. Лет сорока, вряд ли больше. Но если ее отцу можно было дать все пятьдесят, то Васильев-старший выглядел молодо. Высокий, худощавый, по-спортивно подтянутый. Густые черные волосы без проблесков седины, аристократическое лицо, на высоком лбу ни единой морщинки, в глазах юношеский задор. Походка и взгляд уверенного в себе человека.

Он пробыл в зале не более пяти минут, но Асе хватило этого времени, чтобы подпасть под его обаяние. И она очень обрадовалась, когда Дмитрий Александрович появился снова. Сашка увидел гитару в руках отца и сразу же вырубил музыку.

– Ничего, если я с вами посижу? – обворожительно улыбнулся Дмитрий Александрович.

И почему-то посмотрел на Асю. Как будто ей решать, оставаться ему или уходить.

Вопрос прозвучал как риторический, потому остался без ответа.

– А то скучно что-то стало...

Он снова посмотрел на Асю, на этот раз жарко и проникновенно. Она почувствовала, как щеки заливают краской.

Дмитрий Александрович сел на диван, тронул пальцами струны. И заиграл.

Опять один в постели полусонной,

*Во тьме ночной лишь стук шальных копыт.
Давно лежит на золотых погонах
Парижских улиц вековая пыль...*

Это был известный белогвардейский романс. Ася слышала его в исполнении Розенбаума, Малинина, группы «Белый орел», но никогда эта песня не пробирала ее до глубины души. Сейчас все было по-другому. Сильными длинными пальцами Дмитрий Александрович виртуозно перебирал струны на гитаре, а шикарным низким баритоном ласкал струны ее души. И зачаровывал, зачаровывал...

*Не привыкать до первой крови драться,
Когда пробьют в последний раз часы.
Ах, господа, как хочется стреляться
Среди березок средней полосы...*

Дмитрий Александрович пел проникновенно и очень искренне. Но последняя фраза резанула слух – столько в ней было фальши. И все потому, что он никак не был похож на человека, которому хочется стреляться среди березок средней полосы. Жизненная энергия была из него ключом. Да и рано ему думать о смерти. Он же молодой, относительно, конечно.

Ася вдруг остро осознала, что Дмитрий Александрович не просто очаровал ее. Он самым настоящим образом влюбил ее в себя. И смотрит на нее так, как будто хочет убедиться, так ли это на самом деле или нет... Да, она влюбилась. И ей было страшно признаться себе в этом... А может, это всего лишь минутная слабость?..

Дмитрий Александрович не стал брать паузу и сразу же взялся за новую песню. Но Ася слушать его не стала. Как чумная вышла из комнаты. Ноги привели ее на кухню, она остановилась у окна.

Вечер, но за окнами еще светло. Зато в глазах у нее потемнело. А в ушах стоит какой-то непонятный шум... Ничего, сейчас все пройдет. Она успокоится, и все нахлынувшее на нее наваждение улетучится...

Чтобы побыстрее прийти в себя, она распахнула окно. Легкий порыв ветра остудил лицо, но не душу, в которой бушевал пожар. Ася высунула голову, глянула вниз. Девятый этаж, высоко, она всегда боялась высоты и очень хотела, чтобы закружилась голова. Так и случилось, однако головокружение не смогло заглушить непотребные мысли, бродившие в голове...

– Ты что, выпрыгнуть из окна хочешь? – неожиданно послышалось из-за спины.

Это был голос Дмитрия Александровича.

Ася встрепенулась, но вместо того, чтобы податься назад, еще больше высунулась из окна. Но Дмитрий Александрович нежно взял ее за плечи, потянул на себя. Ей бы вырваться, но не было сил. Она безвольно обмякла в его руках. И вряд ли бы она стала сопротивляться, если бы он взял и прижал ее к себе.

Но Дмитрий Александрович всего лишь отстранил ее от окна, посадил на стул. Он смотрел на нее, а у нее перед глазами все плыло.

– Что-то подсказывает мне, что ты немного перебрала со спиртным, – по-отечески мягко сказал он.

А ведь она в самом деле пьяна. Но спиртное здесь, похоже, ни при чем...

– Я тебе сейчас приготовлю кофе, да покрепче. Должно полегчать...

Он не предлагал, а настаивал. А она и не думала отказываться. Кофе так кофе, лишь бы из его рук.

Дмитрий Александрович взял турку, насыпал молотое зерно, залил водой... Ася зачарованно смотрела на то, как он священнодействует с кофе.

На кухне появился Сашка. Как ей показалось, подозрительно покосился на нее, на отца.
– Александр, ты не волнуйся, Асе уже легче, – не глядя на сына, сказал Дмитрий Александрович. – А после кофе она совсем оживет...

– А-а, понятно, – улыбнулся Сашка.

На словах понимание, а в глазах укор – «пить надо меньше». Как будто не он всем наливал... Ася остро осознала, что присутствие Сашки ей неприятно, и она едва сдержала вздох облегчения, когда парень убрался.

Кофе был самым обыкновенным, но Асе казалось, что более вкусного напитка она никогда в жизни не пила. Однако в голове не прояснилось. Хмель, правда, стал улетучиваться, но туман очарования и не думал рассеиваться, наоборот, еще больше застилал глаза.

– Ну как, легче? – заботливо спросил Дмитрий Александрович.

– Да, – кивнула она. – Намного. Извините, но мне домой пора...

Ей не хотелось отсюда уходить, но и оставаться здесь она боялась. Очарование Дмитрия Александровича засасывало ее все больше и больше, и она боялась утонуть в нем.

– Могу подвезти, – предложил он. И как бы в оправдание добавил: – Все равно делать нечего...

Ася должна была отказаться, тем более что идти ей недалеко. Пятнадцать-двадцать минут ходьбы, и она дома. А на троллейбусе еще быстрее... Но она пожала плечами, и это было растолковано им как согласие.

Дмитрий Александрович сказал сыну, что Асе нужно домой и он готов подвезти ее. Но Сашка решил отправиться вместе с ними.

– Я бы и самого тебя отправил, – спокойно сказал отец. – Но ты же слегка употребил.

– А завтра покататься дашь? – с жадным любопытством спросил Сашка.

– Без вопросов, – кивнул Дмитрий Александрович.

Внизу возле подъезда стоял его новенький «БМВ» черного цвета. Он распахнул перед Асей дверь, из салона приятно пахнуло кожей.

Дмитрий Александрович преподносил свою заботу под видом отеческой. Как-никак она подруга его сына, может быть, даже в будущем невестка. Но Асю трудно было обмануть. Она понимала, что нравится Сашкиному отцу как женщина, и эта мысль льстила ей. Внутри все сжималось от чудовищного восторга. А когда она садилась в машину, ей казалось, что все во дворе смотрят на нее с осуждением. Примерно так же она сама сегодня смотрела на Любку Шульгину, когда та уезжала со своим очередным воздыхателем. Но Асе было все равно, кто и как на нее смотрит. Голова шла кругом от обуревавших ее чувств.

Машина двигалась ходко, мягко. У Аси возникло ощущение, будто за спиной у нее вырастают крылья. Она готова была лететь хоть на край света, лишь бы с ней рядом был Дмитрий Александрович... Она с трудом сдержала вздох разочарования, когда машина остановилась во дворе ее дома. Ей так хотелось остаться, и если бы он предложил ей покататься по вечернему, а там и ночному городу, она бы не отказалась. Но Дмитрий Александрович ничего не предлагал. И ей пришлось идти домой. А там такая тоска...

С Сашкой встречаться ей не хотелось, Дмитрий Александрович к себе не звал. Но ей было чем занять свои мысли. Все дни, отпущенные на подготовку к экзаменам, она провела дома – штудировала школьную программу.

За сочинение она получила две пятерки. Сашка – на балл ниже, что тоже неплохо, и он пригласил ее к себе домой обмыть успех.

– Пошли, сестра у бабушки, отец в командировке, мать снова в ночь работает. Посидим, шампанского выпьем.

Мать Сашки – Варвара Сергеевна – работала врачом в городской больнице, это Ася знала. А Дмитрий Александрович... Раньше он работал главным инженером на каком-то заводе. А

сейчас... Да какая разница, где он сейчас работает и сколько получает. Главное, что он есть на белом свете...

– А зачем уточнять, что квартира свободна? Думаешь, я у тебя на ночь останусь? – пронзительно посмотрела на Сашку Ася.

– Так никого же не будет... – замялся он. – Если не хочешь, так и скажи...

– На ночь оставаться не хочу, а так пошли, посидим, можно шампанского немного...

Ася надеялась, что вопреки уверениям Сашки Дмитрий Александрович все же окажется дома. Но нет, его не было. В огромной квартире никого, только она и Сашка, у которого на уме ясно что.

Они слушали музыку, пили шампанское, затем Сашка пригласил ее на медленный танец, крепко-крепко прижал к себе. Парень он симпатичный, внешне чем-то похож на отца, но не было в нем того магнитного поля, какое было у Дмитрия Александровича. Не кружилась голова у Аси, не распирало ее изнутри от страстного волнения. Он прижимал ее к себе, а она испытывала только одно желание – поскорее избавиться от него.

Сашка догадывался, что она ничего не чувствует, но от намерений своих не отказался. Обнял ее за талию, потащил в свою комнату. Ася заупрямылась, а он изменил направление и завел ее в родительскую спальню, где чуть ли не силой уложил на кровать. Она хотела оттолкнуть его, но силы вдруг подевались куда-то. Как будто сама кровать вытянула их... Это же была та самая кровать, на которой Дмитрий Александрович... Не важно, чем он занимался здесь со своей женой. Важно, что эта кровать заряжена его волнующей энергетикой. Ася закрыла глаза и представила, что рядом не Сашка лежит, а его отец. И сразу жарко стало в груди, а по телу растеклась истома. Сашка бесцеремонно стянул с нее блузку, зубами расстегнул «молнию» на юбке. Вот и лифчик упал на пол... А она лежит как дура и ждет, когда Дмитрий Александрович сделает ее женщиной... Но ведь Сашкин отец в командировке, он не может быть рядом. А раздевает ее Сашка. Уже и трусики с нее стащил, сейчас ноги раздвинет...

Сашка снял с нее всю одежду и на минутку оставил ее в покое, чтобы раздеться самому. Этим Ася и воспользовалась. Вскочила с кровати, собрала в охапку одежду.

– Дурак! – бросила она и выбежала вон из комнаты.

В холле быстро оделась, впрыгнула в туфли, открыла дверь.

– Сама дура! – донеслось ей вслед.

Три дня она усиленно готовилась к экзамену по математике. Как-никак это был профилирующий предмет при поступлении в экономический вуз. Затем был экзамен. Пятерка. Сашка тоже получил «отлично». И отправился к себе домой отмечать это событие на сей раз с Тонькой. К тому времени та уже окончательно рассорилась с Юркой... Ася проводила парочку ревнивым взглядом. Плевать на Сашку. Но в его квартире Тоньку может увидеть Дмитрий Александрович. Что, если эта стерва переключится на него? А девка она смазливая...

Ася очень хотела встретиться с Дмитрием Александровичем, но в то же время боялась увидеться с ним. А оказаться в одной компании с Сашкиным отцом ей вскоре предстояло. Родительский комитет уже пришел к договоренности, что выпускной вечер будет отмечаться в ресторане. И Дмитрий Александрович просто обязан будет присутствовать на этом торжестве. А раз так, Ася должна быть во всеоружии.

Она тщательно готовилась к экзаменам и не менее тщательно к выпускному вечеру. Вместе с мамой она сшила роскошное бальное платье, а отец сделал широкий жест и выделил ей приличную сумму на туфли и сумочку в одном комплекте. Салон красоты также обошелся в копейку, причем из личных сбережений девушки.

Все экзамены Ася сдала на «отлично». Золотая медаль, правда, ей не светила, из-за кое-каких погрешностей в учебе, но «серебро» она заработала. И вот наконец торжественный вечер. Розовая ленточка на финише школьной жизни. Мальчишки в черных, а кое-кто и в белых костюмах, девчонки в роскошных бальных платьях – фотомодели отдыхают. Прически

у всех – хоть на конкурс отправляй. Запах духов. Аромат молодости и аромат свежести. Какие чудесные запахи...

Снова слезно-умиленная речь директрисы, затем раздача аттестатов, медалей. И все в присутствии родителей. Ася ждала, когда прозвучит ее имя. Наконец-то. Караваева Ася, наша серебряная медалистка... Она поднималась на сцену актового зала под шум аплодисментов. Шла и чувствовала на себе восхищенный взгляд Дмитрия Александровича. Она шла за «серебром» и сама вся была в серебре – серебристом плотно облегающем платье, перчатках по локоть из того же материала, в волосах и на щеках серебряные блески. Туфли на высоком каблуке – как бы не споткнуться и не упасть. Но все обошлось. Она благополучно забрала свой трофей, вернулась в зал. По пути к своему месту перехватила взгляд Дмитрия Александровича. Он смотрел на нее как на богиню красоты, спустившуюся с Олимпа. Она сделала вид, что не замечает его, а у самой в душе бушевала буря чувств.

После торжественной церемонии в школе отправились в ресторан. Далеко не самый затрапезный. Поздравительные плакаты на стенах, грозди разноцветных шаров, огромный стол, улыбочивые официанты в униформе. Царила атмосфера праздника и веселья. Но, главное, здесь был Дмитрий Александрович. Он сидел по другую сторону стола. Рядом с ним – жена.

Варвара Сергеевна женщина симпатичная, но уже немолодая, утратившая свежесть. Она выглядела старше своего мужа и не смотрелась рядом с ним. Нет, не такая женщина Дмитрию Александровичу нужна. Так думала Ася. Она-то знала, какая...

Поздравления и тосты, музыка и танцы... Ася надеялась, что Дмитрий Александрович пригласит ее на танец, но нет, он весь вечер не отходил от жены. Ася смотрела, как он танцует с ней, и кусала губы. Впрочем, в одиночестве она не оставалась. Мальчишки смотрели на нее как на чудо. Она действительно за один вечер из гадкого утенка превратилась в прекрасного лебедя. Юрка Шлыков пытался за ней ухаживать, но Ася сразу дала понять, что ему ничего не светит. Она просто танцевала с ним, впрочем, как и с другими парнями. Только Сашка ее ни разу не пригласил. У него роман с Тонькой. Да и хрен с ними обоими...

Родители сначала пили по чуть-чуть – демонстрировали своим отпрыскам культуру поведения за столом. Но чем дальше в лес, тем больше пустых бутылок. Веселье, музыка, праздник тела – как тут не напиться. И Варвара Сергеевна набралась. Сидит, пытается сосредоточиться на салатнице возле своей тарелки, но не получается – взгляд рассеянный, чтобы не сказать глупый. Вот и глаза начинают слипаться, еще немного – и заснет прямо за столом. Но нет, не заснула. Что-то сказала мужу, тот кивнул, поднялся из-за стола, помог подняться ей. Взял под руку, повел на выход. Уходят, наверняка домой...

Но расстраивалась Ася напрасно. Через полчаса Дмитрий Александрович снова появился, без жены. И сразу же пригласил Асю на медленный танец.

Она млела и трепетала в его объятиях, тонула в них. Хотелось ласковых слов, но он молчал. И только под конец танца спросил:

– Тебе не плохо?

– Нет, хорошо...

– А я думал с тобой на свежем воздухе постоять.

– Но свежий воздух мне бы не помешал, – кивнула она...

– Тогда иди, а я за тобой...

Он не хотел, чтобы их видели вместе. Значит, он что-то затеял... Ася блаженно улыбнулась. Заговор так заговор. Сейчас она готова была идти вместе с ним на любую авантюру.

Она вышла из ресторана. Второй час ночи, воздух прохладный, но ей жарко. Жарко от тех чувств, которые распирала ее изнутри.

Появился Дмитрий Александрович. Но не остановился, прошел мимо. Машина на стоянке метрах в тридцати от парадного входа. Он сел за руль, завел двигатель. Асю взяла оторопь. Неужели он собирается уехать без нее?

Дмитрий Александрович выехал на дорогу. Да, он уезжает без нее. Помигал ей огоньком поворота и полный вперед. Ася чувствовала себя полной душой... Но нет, вот машина остановилась. Перед светофором. Зажегся зеленый свет, но она стоит, не двигается. Красный свет, снова зеленый. А машина все стоит...

Да, она в самом деле дура. Дмитрий Александрович не хочет, чтобы люди видели, как она садится к нему в машину. Мало ли кто может выйти из ресторана... Он отъехал подальше, ждет ее. Она не должна стоять на месте. Надо идти. Нет, не идти, бежать...

Ася запыхалась, пока добралась до машины. Но вот она уже в салоне. Приятная усталость. И волнение человека, вкушающего запретный плод. Дмитрий Александрович резко надавил на педаль газа, сорвал машину с места и стрелой понесся по пустынной в этот час улице.

– Я чувствую себя негодяем, укравшим чужую невесту, – вымученно улыбнулся он.

– Свадьбы не было, и я замуж не выходила...

– А если бы выходила? За моего сына, например...

– Он меня замуж не звал. Да я и не хочу... А потом, он с Тонькой закрутил...

– Ревнуешь?

– Нисколько... Даже в мыслях нет... А куда мы едем?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Просто едем...

– А где Варвара Сергеевна?

– Устала. Я ее домой отвез... Спит она, ей сейчас не до нас...

– А она будет ругаться, если узнает, что вы сбежали из ресторана вместе со мной? – спросила Ася.

Глупый вопрос. Такой же глупый, как и она сама.

– Может, и будет. Но мне все равно... Мне сейчас все равно, что будет. Лишь бы было...

– А что должно быть?

Дмитрий Александрович затормозил, прижал машину к бордюру, остановился. Повернулся к Асе. Глаза воспаленные, взгляд как у безумца. Она почувствовала ураганную энергию его магнетизма. И вдруг ощутила всепоглощающую страсть.

Он потянулся к ней, мягко обвил рукой ее шею и жадно припал к ее губам... Ася знала одного виртуоза по части поцелуев. Никто не умел так здорово целоваться, как он. Дмитрий Александрович целовался не очень умело. Но то, что чувствовала Ася сейчас, не шло ни в какое сравнение с тем удовольствием, которое она получила от малолетнего виртуоза. Поцелуй зрелого мужчины был особенным, не сравнимым ни с чем.

Ася задыхалась от сумасшедшего наслаждения и не сразу осознала, что Дмитрий Александрович перебрался к ней на сиденье. Он откинул спинку кресла, чтобы Ася легла. Полез к ней под платье, несколькими быстрыми движениями стащил с нее трусики... Сашка был лишь жалким подобием своего отца – сильного, мощного, неотразимого мужчины. Под натиском Дмитрия Александровича невозможно было устоять. Да Ася и не думала сопротивляться. Сейчас она целиком была в его власти, и он мог делать с ней все что угодно. И он делал...

Ночная улица освещена, но в машине затемнены все окна. Впрочем, сейчас Асе было все равно. Она не смогла бы остановить ни себя, ни его, даже если бы он брал ее на газоне под стенами Кремля. А он ее брал...

Было немного больно. Но это особая сладострастная боль. Ася изнывала от восторга, хотелось выть от счастья... Но вот все закончилось. Несколько мощных толчков внутри ее – и пустота. Ася вновь обрела способность воспринимать окружающий мир, услышала, как прошуршала шинами проехавшая мимо машина...

Она лежала с закрытыми глазами. Ни капли сожаления о произошедшем. Все было здорово.

Ася уже забыла о том, что хотела, чтобы ее лишил девственности муж или жених. К черту условности, к черту не побывавшие в обращении купюры. Она любила и хотела быть любимой! Винить...

Дмитрий Алексеевич полез в бардачок, что-то стал доставать оттуда. Похоже, влажные салфетки...

– Ты что, девочка? – изумленно спросил он.

Странно, в его голосе больше возмущения и обиды, чем восхищения. Глупый, радоваться надо, ведь он первый в ее жизни мужчина...

– Была девочкой, стала женщиной, – не открывая глаз, прошептала она.

На губах блаженная улыбка, в душе бурные потоки счастья...

– Ты меня прости, не знаю, что на меня нашло, – смятенно пробормотал он. – Бес попутал.

Оправдывается, извиняется. Зачем? Ведь все было так хорошо...

– Сейчас, сейчас...

Он помог ей надеть трусики, оправил платье, поднял спинку кресла. Заправился сам. Ася посмотрела на него. Сидит, смотрит куда-то в окно, пальцы нервно барабают по мягкому пластику рулевого колеса.

– Я ни о чем не жалею, – мило улыбнулась она.

– Правда? – воспрял духом он.

– Я правда ни о чем не жалею...

– И все равно, как-то глупо все получилось... Я не мог сдержать себя. Ты такая... Такая...

– Какая?

– Сногшибательная, вот какая.

Банальный комплимент, но Ася восприняла его как наивысшую похвалу.

– Я тебя в прошлом году видел. Ничего особенного, честно скажу. А тогда, когда вы у нас собирались, ты изменилась... А сегодня... Я как тебя увидел, так умом тронулся... Ты уж прости меня, старого дурака...

– Да какой же вы старый? Вы так молодо выглядите. У вас вся жизнь впереди...

– Твоими устами мед бы пить... А может, я в самом деле еще ничего? – натянуто улыбнулся он.

– Лучше не бывает, – заверила его Ася.

– Что ж, тогда ты права, надо начинать новую жизнь.

– Вместе со мной? – вырвалось у нее.

Несколько мгновений он озадаченно смотрел на нее, затем улыбнулся:

– Ну, конечно, с тобой!

Он хотел сказать еще что-то, но в это время к машине подъехали милицейские «Жигули» с мигалками, но без sireны. Из машины вышли стражи порядка. Оба в бронежилетах, один даже с автоматом.

Дмитрий Александрович опустил стекло, предъявил документы.

– Что здесь делаем? – грубо спросил мент.

– Просто стоим. Дочку с выпускного везу.

Страж заглянул в машину, увидел Асю в бальном платье, понимающе кивнул. И снова спросил:

– Сами употребляли?

– Ни капли, – с самым серьезным видом мотнул головой Дмитрий Александрович. – У меня на спирт аллергия...

– Ну вы и шутник, – развеселился мент. Вернул документы, козырнул и пожелал счастливого пути.

Менты уехали, и Дмитрий Александрович завел двигатель.

Ася прыснула в кулак.

– Ты чего? – удивленно спросил он. – У меня в самом деле на спирт аллергия. В том смысле, что у меня свое спиртовое производство. Этот спирт мне по ночам снится, прямо кошмар какой-то...

– Я не про то... Так вы... Выходит, что ты мой папочка? – засмеялась она.

– Должен же я был что-то сказать.

– Ты мой папочка... Папочка и дочка в одной машине... – Ася продолжала смеяться. – Папочка залез на свою дочку, оригинально...

Смех заразителен. Захохотал и Дмитрий Александрович. Но смеялся он как-то истерически... Ася потянулась к нему, нежно обвила руками его шею.

– Я балдею от своего папочки! – на страстном придыхании прошептала она.

И в опьяняющем забытии присосалась к его губам. Он с жадностью ответил... Они целовались отнюдь не по-родственному. Отец дочку так не целует... Но ведь Ася ему не дочь. Она его любовница... Пока любовница. Кто знает, может, когда-нибудь он разведется со своей стареющей женой... Дальше думать Ася не решилась. Признаться, она удивлялась своему поведению, да и обуревающим ее мыслям. Она прилежная ученица, чистая девушка, и вдруг... что это с ней?

Дмитрий Александрович отвез ее домой. Весь следующий день Ася ждала его звонка, но он позвонил лишь через неделю.

– Мы не могли бы встретиться? – спросил он.

– Конечно, могли бы! – восторженно откликнулась она.

– Ты же понимаешь, нас не должны видеть вместе.

– Понимаю, – невесело согласилась она.

А ей хотелось, чтобы их видели вместе... Но пока что они должны соблюдать конспирацию.

На конспиративную квартиру Дмитрий Александрович ее и пригласил. Район на другом конце города, и добираться она должна была сама. Но что такое час на метро по сравнению с той радостью, которая ее ждала в любовном гнездышке, которое свил для нее Дмитрий Александрович...

Квартира была самая обыкновенная однокомнатная, с более чем скромной обстановкой. Но с любимым и в шалаше рай...

Несколько часов купания в запретном омуте счастья. А затем разлука. К счастью, ненадолго. Дмитрий Александрович позвонил через два дня. И опять она сломя голову помчалась на «конспиративную» квартиру, чтобы снова слиться в едином порыве страсти с обожаемым ею мужчиной...

С раннего утра Ася садилась за учебники – надо было готовиться к вступительным экзаменам, а после обеда на крыльях счастья летела к любимому. Они встречались сначала раз в два дня, затем каждый день. И последнюю неделю перед началом экзаменов она ездила на тайную квартиру каждый день. Только вот свидания становились все короче. Дмитрий Александрович объяснял это большой занятостью. Ведь у него бизнес... И она ему верила.

А потом Ася узнала, что беременна. Почувствовала тошноту, головокружение. Смоталась в аптеку, купила специальный тест. Так и есть, залетела девочка... Но расстраиваться не стала. Ведь у нее будет ребенок от любимого мужчины, и им она окончательно привяжет к себе Дмитрия. Черт с ним, с университетом – поступит, начнет учиться, а когда подойдет срок, возьмет академический. Бояться ей нечего, ведь Дмитрий будет рядом. Постарается быть. У Аси появилась робкая надежда, что Дмитрий Александрович, узнав о ее беременности, оставит свою жену.

Она ждала телефонного звонка, чтобы поделиться с любимым радостной новостью. Но Дмитрий не звонил. Может, в командировку отправился. Но ведь он бы сказал...

Прошла неделя, вторая, а от Дмитрия Александровича ни слуху ни духу. Ася нервничала, что сказалося на ее оценках. Вместо ожидаемой пятерки по математике схлопотала тройку. И хотя все остальные экзамены сдала на «отлично», средний балл оставлял желать лучшего. Можно было и не пройти по конкурсу...

Наконец Ася не выдержала и сама нашла Дмитрия. Она подкараулила его возле дома утром. Он шел в гараж за машиной, а она встала у него на пути.

– Куда ты пропал? – Она старалась, чтобы голос звучал мягко.

– А-а... Только что из командировки... – растерянно пробормотал он. – В Австрию ездил, за новым оборудованием. Ты же знаешь, мы расширяемся...

Несколько лет назад Дмитрий Александрович взял кредит на покупку мини-спиртзавода. Думал на хлеб насущный заработать, но скоро понял, что на этом деле можно озолотиться. Взял еще кредит, арендовал целый цех, закупил оборудование. Качество продукции соответствовало самым высоким стандартам, и спирт охотно брали заводы по производству алкогольной продукции. Бизнес шел в гору... Но в данный момент его бизнес волновал Асю меньше всего. Ей было неприятно то, что при разговоре с ней Дмитрий воровато поглядывает на окна своей квартиры – как бы жена их не увидела вместе.

– Ты мог бы позвонить, сказать, что тебя не будет, – обиженно произнесла она.

– Ты не поверишь, но не было возможности позвонить... – Знаешь что, – заторопился Дмитрий Александрович, – давай поговорим в другом месте, здесь небезопасно. Встретимся сегодня на нашей квартире, обстоятельно обо всем поговорим...

Вообще-то это была не их квартира. Старый друг Дмитрия Александровича на юг на все лето уехал, оставил ему ключи... Но это детали.

В назначенное время Ася была на месте. Дмитрий Александрович ее ждал. Он уже не выглядел таким растерянным, как утром. Строгое выражение лица, сведенные на переносице брови. Взгляд не то чтобы холодный, но не такой, как прежде, в нем начисто отсутствовало желание. Да и Ася не была настроена на то, чтобы бросаться к нему в объятия. Хотя и хотела, чтобы он, как прежде, пригрел ее у себя на груди, приласкал.

– Почему ты не позвонил мне, не сказал, что уезжаешь в командировку? – укоризненно спросила девушка.

– Не было никакой командировки, – не глядя на Асю, покачал Дмитрий Александрович головой.

– Ты что, меня обманывал? – возмущенно распахнула она глаза.

– Выходит, что да... Видишь ли, я долго думал и понял, что нам не стоит больше встречаться.

Ася почувствовала себя так, будто на нее ведро помоев вылили.

– Ты что, разлюбил меня? – спросила она. И сделала шаг назад.

– Да я, в общем-то, никогда тебя и не любил... – жестко произнес Дмитрий Александрович. Он решил сразу поставить точки над *i*, чтобы девчонка ни на что не рассчитывала.

– Но как же... А наши встречи...

– Седина в бороду, бес в ребро. Кризис среднего возраста... В общем, мне нужно было только твое юное тело.

Он смотрел поверх нее. Не хватает совести глянуть ей в глаза... Действительно, показатель «счетчика» совести у него на нуле.

– Так что, ты меня использовал? – сказала Ася, и ресницы у нее задрожали.

– Выходит, что так... Раскаиваюсь и прошу прощения.

– И это все, что ты можешь сказать? – произнесла Ася, и как она ни старалась сдерживать слезы, из ее глаз все же выкатились две слезинки.

– Извини, что так вышло... Я знаю, ты хотела, чтобы я бросил жену, но это невозможно. Я люблю Варвару. И то, что изменял ей с тобой... глупость. Говорю же, бес попутал... Давай расстанемся друзьями, это единственно приемлемый вариант...

Ася непонимающе смотрела на Дмитрия Александровича. У нее земля под ногами горит, а он о каких-то приемлемых вариантах толкует...

– А ты знаешь, что у нас будет ребенок? – делала она последнюю попытку удержать его. – Я залетела! Понимаешь, от тебя!

– Я этого не хотел, – поморщился он. – Можешь ругать меня, можешь проклинать, но мое решение остается в силе. Больше встречаться мы не будем! – категорично заявил он.

В какой-то миг Асе показалось, будто она оказалась в зале суда и ей зачитали приговор – смертная казнь через повешение... Как же она будет жить без Дмитрия? Действительно, лучше умереть...

– А проблему с твоей беременностью нужно решать, – как сквозь вату доносились до нее слова Дмитрия Александровича. – Ты молодая, красивая. У тебя еще будут мужчины. А с прицепом замуж не всякий возьмет... В общем, от ребенка нужно избавиться...

Ася с ужасом смотрела на человека, которого совсем недавно превозносила до небес. Он только что убил ее, теперь собирается убить зародившуюся в ней жизнь.

– С клиникой вопрос решим, денег на аборт дам, в этом ты можешь не сомневаться...

Ася не помнила, как добралась домой. Сцену расставания, обратный путь – все заволокло горьким туманом... Всю ночь она проплакала. А утром отправилась в больницу.

Она любила Дмитрия Александровича и... ненавидела его. Она уже не хотела от него ребенка. Она вообще ничего в этой жизни не хотела... Врач осмотрела ее, сказала, что беременность не превышает одного месяца. Пыталась отговорить ее от аборта, но Ася рассказала ей сказку о пьяных насильниках, от которых родится не человек, а мутант. Она врала, но была уверена в том, что говорит правду. Дмитрий Александрович сейчас в ее глазах был ничуть не лучше пьяного мерзавца из подворотни...

Врач согласилась сделать аборт. И при том бесплатно. Что ж, даже лучше. За деньгами ей пришлось бы обращаться к родителям, а это грозило бы скандалом. Принимать же материальную помощь от Дмитрия Александровича она не хотела.

В назначенный день она пришла в больницу, и ей сделали аборт. Обошлось без осложнений. А затем краткий инструктаж о соблюдении необходимых после аборта правил личной гигиены, и проваливай домой, детка. Дальше живи, как знаешь... А если не хочется жить?

Из больницы Асю забрать было некому, поэтому домой пришлось добираться своим ходом. Но до дома она так и не доехала. Сама не поняла, как оказалась на железнодорожных путях. Как будто сама судьба ее сюда привела. А вот и локомотив несется на всех парах. Если взять да лечь сейчас под него, он даже затормозить не успеет... А это мысль! Нельзя раздумывать. Раздумья – это сомнения. Нужно решаться, чтобы раз и навсегда. Раз и навсегда!

Ася и не пыталась сравнивать себя с Анной Карениной. Не думала она и о том, как будет убиваться Дмитрий, когда узнает о ее гибели, да и будет ли убиваться вообще. У нее просто не было времени на размышления, так быстро она решила покончить собой. Локомотив стремительно приближался. Она закрыла глаза и смело ступила навстречу страшной судьбе...

«Ах, господа, как хочется стреляться...»

Глава первая

Ленька Сизов считал себя классическим вором, хотя был так, мелким жуликом, не более того. Но четыре ходки на зону, и все по «уважаемой» статье. И принцип у него железный – украл, выпил, в тюрьму.

Но после четвертой ходки он ушел в завязку. Пятый десяток как-никак разменял, ну и решил, что хватит с него. Нашел какую-то бабу с тремя детьми, поселился у нее в квартире. Даже на работу устроился – грузчиком в мебельный магазин. На целых три года выпал из поля зрения капитана Спасского. А Илья Данилович завербовал его давно, в перерыве между третьей и последней ходкой. Ленька тогда на зону очень идти не хотел. Попался на мелкой краже и стал тонуть, вот Илья Данилович и пообещал ему спасательный круг бросить, но при условии, что Сизов расколется. Дружков-подельников своих Ленька не сдал, зато дал наводку на чужаков, дескать, есть тут фраера залетные, прохожих в темных переулках потрошат. А на этих фраерах два трупа... Банду взяли, закрыли, подвели под статью – всех осудили, всем плацкартный билет на «столыпин» выписали. На этом всплеске гражданской сознательности Ленька и выплыл на берег свободы. Еще пару раз Спасскому удружил. Но в конце концов погорел на крупном деле и ушел на этап... Давно это было, лет десять назад. Илья Данилович еще тогда был капитаном, и сейчас в том же звании. Еще четыре года, и можно считать себя пятнадцатилетним капитаном. В смысле пятнадцать лет в капитанах. Некоторые однокашники уже в полковниках ходят. Ну да ладно, у каждого своя судьба...

Три года Сизов не давал о себе знать. А тут вдруг объявился. Сам нашел Спасского, сам напросился на randevu. Встретились в сквере. Людей вокруг нет, тишина. Лето, жара, но под сенью раскидистых вязов так хорошо, что уходить не хочется. А идти надо. Времени у Спасского, как всегда, в обрез. На Сизова он выделял не более десяти минут, треть отпущенного времени уже истекла.

– Данилыч, выручай, а? – умоляюще смотрел Ленька.

– Не могу, – покачал головой капитан. – У Гоши твоего полграмма героина в кармане нашли, а это статья, дорогой мой...

Гоша был старшим сыном его сожительницы. Семнадцать лет парню. Затеял драку в диско-клубе, был задержан нарядом, при обыске изъято пятнадцать «чеков» – одноразовых доз героина по три сотых грамма. Ясно, что наркотик он держал при себе для сбыта. Говорит, что нашел, но нужно быть полным идиотом, чтобы в это поверить...

– Да я-то понимаю, что статья, – уныло вздохнул Ленька. – Да ты пойми, начальник, Гоша не при делах был. Он эту дурь по глупости взял, чтобы человеку передать...

– У кого взял, кому передать?

– Так это у него надо спросить.

– Спрашивали. Молчит, как рыба.

– Да, с характером пацан, этого у него не отнять... А вообще он хороший...

– Хороший, – усмехнулся Спасский. – Когда спит зубами к стенке...

– Где он сейчас спит, в застенках... Сломаете пацану жизнь...

– Закон есть закон.

– Да это я понимаю... Но и ты пойми, начальник, Гоша мне как родной. Не хочу, чтобы его, как ту щепку, по жизни бросало. Ты его мне отдай, я ему быстро мозги вправлю... Нельзя ему на зону, сломается он... Помогите, Данилыч, а? А я в долгу не останусь. Я же не с пустыми руками пришел. Тут сорока на хвосте кое-что принесла...

– Что там у тебя? – поморщился Спасский.

В принципе пасынку Сизого можно помочь. Принять его версию о том, что наркотики он нашел, выпустить под подписку, а со временем и вовсе закрыть дело. Но будет ли овчинка стоить выделки?

– Да мужика тут одного вроде бы покалечили возле «Шехерезады», так?

– Было дело, – оживился капитан.

Позавчера это случилось. Поругался мужик с женой на ночь глядя, вытащил из своей заначки две тысячи долларов и отправился в казино грусть-печаль развеять. Машину не взял, пешком пошел. Шел-шел, да не дошел. На каких-то удальцов нарвался. Получил железякой по голове, на этом все общение с ними и закончилось. Денежки, разумеется, тю-тю... Потерпевший сейчас в реанимации, грабителей же найти не удалось. А искать надо, дело-то не последнее...

– Есть тут одни пацанятки, фуфло натуральное. Знать их не знаю, но подсказать могу... Только ты мне пообещай, что с Гошей вопрос решишь... А ему все популярно потом объясню, больше ты о нем не услышишь, обещаю...

– Ну, если ты арапа неправляешь, то помогу, – решился Спасский.

Баш на баш, как говорится.

В тот же день капитан Спасский выехал по указанному адресу. Взял своего напарника, участкового и трех бойцов из группы быстрого реагирования при ОВД. Этого было более чем достаточно для того, чтобы захватить двух «фуфлыжников», на которых показал Сизов.

Пятиэтажный дом шестидесятых годов постройки, озелененный, но тем не менее унылый двор. На четвертом этаже первого подъезда проживала гражданка Губина, по заверениям участкового, совершенно опустившийся человек – пьет беспробудно, живет с такими же алкашами, причем сожители постоянно меняются. Словом, не дом у нее, а притон для пьяниц и наркоманов. У нее-то сейчас и проводили время грабители. Пропивали добытые преступным путем деньги... Что ж, «малину» придется закрывать.

Дверь в квартиру простая, деревянная, облезлая. Даже «глазка» нет. И клавиша звонка уже давно приказала долго жить. Участковый постучался в дверь. Группа захвата наготове. Капитан Спасский не привык прятаться за чужими спинами, поэтому он тоже готовится к рывку в квартиру...

– Кто? – послышался из-за двери грубый женский голос.

– Мариш, это я, Иван, – назвался первым же попавшимся именем участковый.

Говорил он в нос, на пьяный лад затягивая слова.

– Какой Иван?

– А который без пузыря не приходит...

Слово «пузырь» подействовало на гражданку Губину, как магическое заклинание. Тут же послышался щелчок открываемого замка.

Один боец толкнул плечом дверь, второй прижал опухшую от беспробудного пьянства бабу к стене.

– Где постояльцы, мать твою? – рявкнул он.

– А-а, там! – Губина махнула рукой в сторону комнаты.

Третий боец рванул туда, Спасский за ним. Они рассчитывали ошеломить преступников внезапным своим появлением, а стремительным натиском сломить волю к сопротивлению не получилось. Квартиранты засекли ментов гораздо раньше, чем ожидалось. Боец ворвался в комнату, и тут же грянул выстрел. Вот тебе и фуфлыжники... Сержант был в бронежилете, но пуля вошла под нижний его срез.

Боец даже выстрелить в ответ не успел. Выронил из рук автомат, схватился за простреленный пах и опустился на пол. Следом прозвучал еще выстрел. На этот раз пуля угодила в бронежилет.

Был еще один выстрел, третий. Но его произвел не преступник. Стрелял Спасский. И его пуля угодила отморожку точно в лоб...

Злость пришла чуть позже, когда он глянул на корчившегося от боли сержанта. Хороший парень, два года отслужил в воздушно-десантных войсках, еще столько же в милиции. Семья, ребенок. А какая-то гнида в него из пистолета... В момент выстрела Спасский не размышлял о справедливости, не думал о том, что следует мстить по принципу «око за око». Он стрелял, повинаясь инстинкту самосохранения. Не убьешь ты, убьют тебя – жестокая формула выживания...

Дружок убитого был без оружия. Он в панике обхватил голову руками и бухнулся на пол на все четыре точки опоры. Его скрутили ворвавшиеся в комнату бойцы. Спасский же занялся раненым сержантом. Пока придет «Скорая», парень может отдать концы. Нужно самим решать вопрос с доставкой его в больницу. Тем более что до нее рукой подать. Об убитом преступнике капитан не думал. Много чести для него, чтобы забивать им голову. Да уже и не сможешь ему ничем...

Милицию хаот все кому не лень. Но почему-то на бандитские пули первыми идут «плохие» милиционеры, а не те «хорошие» балаболы, которые их безрассудство осуждают...

Раненого бойца отнесли в машину, в нее же сунули задержанного. Трупом займется оперативно-следственная группа. Придется писать объяснения, доказывать правомочность действий. Даже думать об этом противно. Мерзавец стрелял в сотрудника милиции, возможно, ранил его смертельно, а Спасский должен еще оправдываться.

И все равно неприятно было то, что убил человека. Хотя и мерзавца, но все же человека. Не должны люди убивать друг друга, неправильно это. Но должен же кто-то очищать землю от всякой погани... Это оправдание. А будет и раскаяние, оно придет позже, когда утихнут страсти. Спасскому приходилось убивать и раньше, как-никак он уже пятнадцать лет на оперативной работе. Сколько задержаний на его счету, сколько раз он смотрел смерти в лицо. Он убивал преступников в перестрелках. Знал, что по-другому было нельзя, но все равно после каждого такого инцидента запирался в своем кабинете и втихую напивался до полного ступора в мозгах. И сегодня он тоже напьется. И никто его за это не осудит. И за убитого бандита статью шить не будут...

Раненого бойца отвезли в больницу, задержанного – в отдел, сразу же выдернули на допрос. Церемониться с ним никто не собирался. Но парень и не пытался валять дурака. Признался во всем – и в нападении на ночного гуляку, и в других своих грехах, а их оказалось не так уж и мало.

Задержанного увели в камеру. Завтра им займется следователь, а операм можно расслабиться. Спасский достал из тайника в тумбочке бутылку, два стакана. Леша Макеев понимающе кивнул. Выпил для приличия, но задерживаться не стал. Поздно уже, двенадцатый час ночи, а ему еще домой добираться.

А Спасскому спешить некуда. Дома его никто не ждет. Есть жена, есть дочь четырнадцати лет от роду, но у них как бы своя жизнь. Муж и отец по их системе оценки жизненных ценностей котируется слабо. Должность невысокая, звание соответствующее, оклад – курам на смех. Жена считает его неудачником, дочь – залежалым товаром из лавки древностей. Молодежь нынче уважает богатых родителей, а бедные не в цене. Но Илье Даниловичу было все равно, как относятся к нему домашние. Он честно делает свое дело, исправно разыскивает и обезвреживает преступников. Да, его не повышают, не присваивают «майора», но, несмотря ни на что, работа ему нравится. Хотя, если честно, нет уже прежнего огонька. Уставать он стал. Работа хоть и интересная, но бестолковая, ибо сколько преступников ни лови, меньше их не становится. Понятно, что криминал был, есть и будет, так уж устроен мир. Понятно, что преступников нужно держать в страхе перед законом. Но Ильи Данилович не пацан, чтобы на лихом коне скакать по замкнутому кругу. Тридцать восемь лет ему, через пару лет пятый

десяток разменяет. Жирком не заплыл, мускулатура не ослабла, на одышку и намека нет. Словом, сил еще много. Только вот задора не хватает. И амплуа неудачника на клапан давит. Сам-то он себя к этой категории людей не причислял, хотя, по сути, неудачник он и есть. А вот Пылеев – счастливчик. Десять лет назад был рядовым опером, а сейчас уже начальник ОВД, подполковник, через годик, глядишь, и третья звезда на погон ляжет...

Илья Данилович плеснул огненной жидкости в стакан, не закусывая, выпил. На душе не полегчало, скорее наоборот. Но все равно рука снова потянулась к стакану...

Проснулся он на шатком продавленном диванчике в своем кабинете. Выпито было вчера немало, но похмельный синдром не мучил. Голова чуточку тяжеловатая, но это пройдет. Поспать бы еще немного, но уже половина восьмого, скоро начальство подтянется. Планерка, все такое... Да и у самого работы хоть отбавляй. Уголовный розыск районного масштаба – это полный вагон и тележка криминальных событий. Там что-то украли, там кого-то обокрали, кто-то кого-то покалечил, и убийства случаются, не без этого. И ноша целиком на плечах оперов. Начальство, конечно, помогает, но больше советами, к счастью, не всегда глупыми...

После планерки Спасский взялся за документы – рапорты, отчеты, отписки. Переговорил со следователем насчет сизовского пасынка, надо же было выполнять взятое на себя обязательство. После обеда – «живая работа» с потерпевшим. У женщины вырвали сумку, когда она заходила в автобус. Это был уже четвертый случай за последние две недели, работа в этом направлении велась, и довольно успешно. Илья Данилович знал, чьих рук это дело. Нештатные осведомители подсказали. Так что в данном случае он знал ответ на истерический вопрос «Куда смотрит милиция?». Милиция смотрит куда надо. Он дал женщине лист бумаги и ручку, чтобы она составила подробную опись пропавших вещей, а сам вместе с Макеевым отправился по одному адресу. Для страховки взял людей из группы немедленного реагирования. На автобусных остановках орудовали малолетние наркоманы, а этот народ непредсказуемый. Как бы вчерашний случай не повторился.

Но все обошлось. Компания юных джентльменов удачи была в полном сборе, сопротивления никто не оказал. При обыске была обнаружена похищенная сумочка, ставшая, правда, заметно тоньше. Но факт оставался фактом – преступление раскрыто, преступники задержаны. Так что вряд ли у потерпевшей повернется язык обвинить милицию в бездействии...

Домой Спасский попал в десятом часу вечера. Надо сказать, не самое позднее для опера время. Но говорить было некому. Жена на какой-то корпоративной вечеринке, дочь у подруги. Никому до него нет дела, никто перед ним не отчитывается. Обидно. Но что есть, то есть. Сам виноват, что поставил свою работу выше семьи...

Марина вернулась домой в четверть двенадцатого. Безрадостное «привет, папа», и на этом все. Закрылась в своей комнате, а чем она там занимается – это ее личное дело. В свою личную жизнь она впускала только маму.

А мама появилась в первом часу ночи. Слегка подшофе. Но перед мужем оправдываться не стала. Жена у него независимая...

Когда-то Лариса работала учительницей в школе. У него зарплата мизерная, у нее еще меньше. Концы с концами еле сводили. Зато любили друг друга, сколько страсти было в их отношениях. Но со временем любовный пыл поутих, чему в немалой степени способствовала Лариса. Сначала она стала упрекать мужа в том, что он чересчур много работает, затем стала придирается к его низкой зарплате. Однажды даже высмеяла его – дескать, другие менты не чураются взяток, а он, ха-ха, бесребреник. Состоялся серьезный разговор, но Лариса не приняла его оправданий, как пилила его за несостоятельность в финансово-должностных вопросах, так и продолжала пилить. Положение не улучшила даже прекрасная двухкомнатная квартира в престижном районе Москвы. Скорее наоборот, обострила отношения между супругами. Квартиру нужно было ремонтировать и обставлять в соответствии с новомодными веяниями.

А денег нет... И тут Ларисе представился случай выбраться из нищеты. В школе она преподавала английский и французский, так что языки знала. Вот ее бывшая одноклассница и предложила ей место в своей турфирме, положила неплохой оклад и небольшой процент от прибыли. Компания росла, крепла, соответственно, увеличивались доходы сотрудников. Лариса показала себя неплохим организатором, быстро продвинулась по службе и сейчас занимала должность топ-менеджера фирмы. Зарплата пять-шесть тысяч долларов в месяц. Куда уж Илье Даниловичу до нее со своим нищенским заработком... Вот и попрекала его жена при каждом удобном случае куском хлеба. Даже дочь однажды запальчиво оскорбила его: «Нахлебник ты, папа, и не учи меня жить...»

Со временем Лариса обменяла двухкомнатную квартиру на трехкомнатную с доплатой, сделала евроремонт, обставила мебелью по своему вкусу. Все старые вещи выбросила на помойку. Спасибо, что мужа не отправила туда же. Но все же нет-нет да давала понять, что Илья не очень-то вписывается в новый интерьер. Дом можно было считать полной чашей, но Илья так не думал, ведь в нем не было счастья...

От жены пахло хорошим коньяком и французским парфюмом. И выглядела она более чем хорошо для своих тридцати пяти лет. Пышные рыжеватые волосы, ухоженная красивая моложавая женщина. За последние годы она слегка расплнела, но не утратила своей привлекательности. К тому же со вкусом подобранный костюм подчеркивал достоинства фигуры и скрывал недостатки. Еще бы недостатки характера прятать научилась.

Илья ничего не сказал, но всмотрелся в нее цепко, въедливо. Он уже и забыл, когда в последний раз спал с ней, но, как ни крути, она оставалась его женой. И хотя она не считала себя обязанной отчитываться перед ним, сам он ее от такой обязанности не освобождал.

– Ну и взгляд у тебя... – в небрежной улыбке скривила она губы. – Ты хоть и мент, но я-то не проститутка, чтобы на меня так смотреть...

При тех отношениях, которые она установила между ними, ей ничего не стоило завести роман на стороне, может, он у нее и был. Она же независимая, и муж ей до фонаря. Но пока что он мог только подозревать ее, доказательств измены у него не было. Конечно, можно было устроить за ней слежку, но опускаться до такой степени он не хотел.

– Не смотри на меня так... – скорее потребовала, чем попросила, Лариса. – Я ни в чем перед тобой не провинилась... А если бы и провинилась, то что?

– Вчера передо мной один человек провинился. Я его убил, – спокойно сказал Илья.

И отправился в спальню, которую лишь с натяжкой можно было назвать супружеской. Две полутораспальные кровати стояли в метре одна от другой. Все на современном уровне – раздельное питание, проживание...

Он уже засыпал, когда появилась Лариса. И самым наглым образом забралась к нему под одеяло. Она была свежа, пахла розовым маслом. Прозрачный пеньюар с открытым низом, упругое податливое тело...

– Никого у меня нет, понял! – жарко прошептала она.

И беззастенчиво обвила ногами его бедра. Она ждала от него самых решительных действий и не обманулась в своих ожиданиях...

Но супружеская идиллия длилась недолго. Утром Лариса вела себя так, как будто ночью ничего не произошло. Он сказал, что не придет ночевать, она даже ухом не повела.

Илья заступил на дежурство в оперативно-следственную группу своего ОВД. День прошел более-менее спокойно, а ночью, в двадцать три часа двадцать минут, группу вызвали на убийство. В двадцать три тридцать восемь прибыли на место.

Высотный типовый дом с квартирами улучшенной планировки, двор с полуразрушенной детской площадкой, беспорядочное нагромождение гаражей-тентоукрытий. В подъездах железные двери с кодовыми замками.

Труп обнаружили в первом подъезде, убитой оказалась девушка. Она лежала на площадке между четвертым и пятым этажом. Молодая, красивая. Модные джинсы, легкий топик черного цвета. На груди ножевая рана... В открытых остеклевенных глазах боль и удивление. Вокруг люди. Их немного, человек пять, нет, шесть. Судя по затрапезному виду, соседи. К телу никто не приближается, страшно. Близких родственников вроде бы не наблюдается: никто не рыдает над трупом, никто не заламывает рук. По-видимому, родители еще ничего не знают...

Следователь Юргин не стал разгонять людей, просто попросил отойти подальше. Спросил, кто звонил на «ноль два».

– Я звонила, – отозвалась грузная женщина лет сорока пяти, с красными, болезненного вида глазами.

Криминалисты занялись трупом и местом, где он лежал. Площадка заплесана, стены грязные – как здесь найти следы, которые оставил преступник? Но на то они и эксперты, чтобы искать. Спасский взял в оборот женщину, которая сообщила об убийстве. Для начала он спросил имя, фамилию и отчество. Колоскова Дарья Алексеевна. Затем приступил к опросу.

– Работаю уборщицей, возвращаюсь поздно, – рассказывала женщина. – Поднимаюсь, значит, по лестнице, смотрю, лежит. Темно было, думала, пьяный. А потом присмотрелась, гляжу, а это наша Лена... Лена Плотникова из сороковой квартиры... Смотрю, кровь. Страшно стало. Но я все равно прислушалась. Нет, не дышит. Ну, я в милицию звонить, а что еще делать остается...

– Когда вы обнаружили труп? – спросил Илья. – В какое время?

– Да я на часы-то и не смотрела... Хотя нет, когда к дому подходила, взглянула... Было без пяти одиннадцать, ну, пока шла, еще минут десять прошло. Так что в районе одиннадцати.

Со временем было понятно. Здесь все соответствовало действительности. На пульт дежурного ГУВД звонок поступил в одиннадцать пятнадцать, затем сигнал был передан дежурному ОВД, тот поднял оперативно-следственную бригаду. Да, здесь все соответствовало, если считать, что на раскачку у Дарьи Алексеевны ушло пять-десять минут. Пока до квартиры своей добралась, пока «02» набрала... Несоответствие было в другом. Она говорила, что в подъезде было темно, но как раз здесь было относительно светло, во всяком случае Илья сразу понял, что труп принадлежит девушке, а никакому-нибудь алкашу мужского рода.

В милиции принято ловить людей на несоответствиях. Поэтому он тут же спросил Дарью Алексеевну, почему она считает освещение плохим.

– Так это ж я попросила сына лампочки вкрутить, – спохватилась женщина. – Думаю, милиция приедет, а у нас темно. Неудобно как-то. Да и вам в темноте неловко... Он сразу две лампочки заменил, одну на четвертом этаже, другую на пятом...

– А не жалко было лампочек, они же денег стоят?

– Жалко. А мы их потом обратно выкрутим, – не моргнув глазом, заявила женщина.

– А что, в домоуправлении о лампочках не заботятся?

– Заботятся. Да есть тут у нас одни... Да что там, честно признаюсь, Витька мой тоже лампочки бил... Наверное, я не буду их обратно забирать... А что вы все о лампочках да о лампочках... Надо в сороковую квартиру идти, Лена там живет... Ой, я хотела сказать, жила... Вместе с матерью. Отца-то нет... Мы же Ирине Павловне ничего еще не говорили...

– Почему?

– Так кто же на это решится. Такое горе... А сама она еще ничего не знает. Ждет дочку домой, а тут такое... Я же тоже мать, сыну девятнадцать, так же как и Лене, представляю, что будет, когда она узнает... А потом, сороковая квартира – это десятый этаж, пока пешком поднимешься. А лифт, сами видели, не работает...

– И давно не работает?

– Да обычный лифт уже давно сломался, грузовой остался. А его сегодня днем сломали...

– Кто?

– А я вам скажу, это все грузчики, ну, которые мебель возят. Я сама на этом обожглась. Спальный гарнитур заказывала, дешевенький. Так они по частям его доставляли. Если с грузовым лифтом, то доставка бесплатная, а если без, то плати пятьдесят рублей за этаж. Так они, паразиты, нарочно лифт сломали, чтобы деньги с меня содрать. Но я-то быстро их раскусила...

– А вы уверены, что это грузчики лифт сломали?

– Ну, не то чтобы уверена... – пожала плечами женщина. – Но больше некому...

– И лампочки тоже грузчики выкрутили?

Лифт не работает, лампочки не горят. Странно все это, очень странно.

– Я же говорила, сынок мой руку к этому приложил.

– Вы сказали, что сыну девятнадцать лет. В таком возрасте лампочки бить?

– Дури много, вот и бьет, – страдальчески поморщилась Колоскова. – Витька пистолет пневматический купил, ну пулями который стреляет. Шел домой да в лампочки стрелял. Плафоны-то давно скрутили... Мне соседи пожаловались, так я заставила его лампочки купить. А только сейчас вкрутили...

– Вы говорили, что и Лене девятнадцать лет. Ваш сын с ней знаком?

– Ну, конечно, в одной школе учились, в параллельных классах. Лена в институт после школы поступила, а мой балбес... Домофоны по квартирам устанавливает, разве ж это работа...

– Домофоны устанавливает, а лампочки бьет.

– Да нет, так он парень спокойный. Просто нашло на него...

– Он сейчас дома?

– Дома.

– И когда вы Лену обнаружили, он тоже был дома?

– Да. А что?.. Ой, вы что, думаете, это он? – ужаснулась Дарья Алексеевна. – Вы его подозреваете?

– Я пока что никого ни в чем не подозреваю, – покачал головой Спасский. – Но с вашим сыном хотелось бы поговорить.

– Я вас уверяю, Виктор здесь совершенно ни при чем! Зачем ему Лену убивать? Да и не способен он на это!

Илья невесело смотрел на женщину. К сожалению, матери далеко не всегда знают, на что способны их дети, тем более великовозрастные. Девятнадцать лет парню, не так уж это мало.

– С вашим сыном я поговорю, – продолжал он. – Но и с вами, Дарья Алексеевна, разговор не закончен. Вы, когда домой поднимались, ничего странного не заметили? Ну, может, кто-то навстречу вам шел? Или, наоборот, от вас убегал...

– Нет, не было никого... Точно, никто не шел. Тихо было...

Спасский собрался было задать еще вопрос, но в это время послышался душеразрывающий стон. Это рвалась к покойной Лене ее мать. Ее пытались удержать, но она прорывалась сквозь толпу людей. Страшное горе удесятерило ее силы. Илья должен был вмешаться. Нельзя мешать экспертам...

Труднее остановить обезумевшую от горя мать. К счастью, вмешались прибывшие на место происшествия медики. Они сделали женщине успокоительный укол, отвели ее домой. Илья был не прочь поговорить с ней, но он прекрасно понимал, что разговора не получится. Не в том она состоянии, чтобы адекватно реагировать на происходящее.

А вот с Дарьей Алексеевной надо бы возобновить разговор. Но ее нигде видно не было. Очевидно, скрылась в своей квартире. Что ж, это ее право...

Глава вторая

Судмедэксперт уже закончил свою работу. Тело было осмотрено, накрыто простыней. Место происшествия огорожено, однако труп уносить не торопились. Вот-вот должна была подъехать оперативно-следственная группа ГУВД. Криминалист еще работал. Рядом с ним стоял Юргин, внимание сотрудников милиции привлекло какое-то пятно на стене. Илья подошел к ним.

Пятном оказался свежий кровавый отпечаток ладони, точнее, только нижней ее части. На крашеной поверхности четко отпечатались папиллярные узоры, характерные для тенарных, то есть подушечных, частей ладони. В глаза бросался изогнутый почти что под прямым углом пересекавший ладонь рубец. Примерно такой же шрам имелся и у Ильи, но не на руке, а на лбу, над самой правой бровью...

Хотелось бы верить, что этот след на стене оставил убийца. Но еще нужно определить, что ладонь действительно была перепачкана кровью, а не какой-то другой жидкостью. А если кровью, то чьей... Впрочем, с этим пусть разбирается экспертиза. А опер на то и опер, чтобы руководствоваться сыскным чутьем. Илья вполне мог предположить, что след оставил убийца Лены Плотниковой, а потому идти по этому следу прямо сейчас, не дожидаясь результатов экспертизы...

– Вот уже что-то проясняется, Данилыч, – показал на отпечаток Юргин.

– Замарался в крови, оперся на стену.

– Заметь, не вниз уходил, а вверх...

Илья это уже заметил. Отпечаток был оставлен на стене между межэтажной площадкой, где лежал труп, и лестничной площадкой пятого этажа.

– Надо дальше смотреть, куда след тянется.

– Уже смотрели. Но ничего не нашли. Может, пропустили... Хотя и так картина, в общем-то, ясна, – сказал Юргин. – Потерпевшая возвращалась домой, а навстречу ей убийца. Удар ножом в область сердца, мгновенная смерть. По всей видимости, нож преступник забрал с собой. Правая рука была в крови, ею он и оперся о стену, видать, покачнулся. Уходил он вверх, хотя, по логике, должен был покинуть подъезд. Отсюда вывод: или он живет в этом подъезде, или его кто-то вспугнул, и он вынужден был подняться выше...

– Может, Колоскова как раз поднималась? – предположил Илья.

– Какая Колоскова?

– Женщина, которая труп обнаружила. Она же и в милицию позвонила. Я с ней разговаривал... Она говорит, что ничего подозрительного не заметила. Никого в подъезде не было, когда она поднималась... Труп она обнаружила в районе двадцати трех. Вопрос, когда произошло убийство?

– Ну, точных данных нам никто сейчас не скажет. Но приблизительно в названное вами время... Возможно, Колоскова и вспугнула убийцу. А может, какой-то другой жилец. Может, он на четвертый этаж поднимался или на третий, поэтому на труп не наткнулся...

Оперативно-следственная группа из ГУВД так и не прибыла. И начальство не появилось. Поздно, да и убийство из рядовых. Вот если бы чиновника или богатея какого-нибудь грохнули, тогда бы примчались и шороху навели... Труп забрали, но работа не прекращалась. Были обследованы лестничные марши и площадки всех двенадцати этажей. Пробовали заглянуть на чердак, но железная дверь была заперта. Ломать дверь не стали, но тщательно осмотрели. Если преступник готовил убийство заранее, он мог предусмотреть вариант отступления через чердак, тогда бы и ключ заранее к замку подобрал. Но руки-то у него были в крови, и он бы непременно запачкал дверь, если бы ее открывал. Но никаких следов. Ни на двери, ни рядом с ней.

По горячим следам убийцу взять не удалось. Но был след – существенная улика. Надо искать мотив убийства. Людей ни за что не убивают, хотя и такое случается. Плотникова могла с кем-то конфликтовать, у нее могли быть враги. Нужно выявить круг подозреваемых, осмотреть их руки. Даже дактилоскопию не обязательно проводить, достаточно будет обнаружить шрам на правой руке, и тогда все станет ясно. Была еще одна подсказка, по которой можно было установить убийцу.

По предварительной оценке эксперта, нож в сердце Плотниковой вошел почти что под прямым углом. Удар был достаточно сильным, чувствовалась мужская рука. Отсюда вывод: Плотникову убил либо профессионал, который мог ударить от уровня своей груди, либо высокий мужчина, нанеший удар от живота по прямой.

– Я думаю, убийство готовилось заранее, – предположил Спасский. – Лифт не работал, лампочки были разбиты... Их сынок Колосковой из пистолета пневматического побил, потренироваться парень решил... А может, и нарочно лампочки побил. И лифт он мог сломать... Девятнадцать лет ему. Тот возраст, когда человек по виду взрослый, но мозги еще детские. И Лену Плотникову он знал, в параллельных классах учились. А девушка она красивая. Была... Когда инфантилизм, да еще неразделенная любовь, то рука к ножу потянуться может...

– А что, это вариант, – кивнул Юргин. – Надо бы с этим стрелком ворошиловским пообщаться... Кстати, на каком этаже эта Колоскова живет?

– Квартира двадцать третья. Надо посчитать. На каждом этаже по четыре квартиры... Да и считать не обязательно. Ясно, что она выше четвертого этажа живет, если на покойницу по пути нарвалась...

– Двадцать третья квартира – это шестой этаж, – посчитал Юргин. – Парень мог убить Плотникову и скрыться в своей квартире. Потому-то выше шестого этажа ни одного следа...

– Между пятым и шестым их тоже нет, – заметил Спасский.

– Да это уже частности... Надо с этим пареньком пообщаться. Не будем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Вместе с Юргиним поднялся на шестой этаж, позвонил в двадцать третью квартиру. Прошло минут пять, прежде чем из-за двери послышался недовольный голос Дарьи Алексеевны:

– Завтра приходите, сегодня уже поздно. Нормальные люди спят уже давно...

На этом разговор был закончен. Юргин посмотрел сначала на часы, затем на Илью. Развел руками. Третий час ночи. В такое время Дарья Алексеевна имела полное право послать их куда подальше.

– Все люди должны ночью спать, – усмехнулся Юргин. – Даже такие ненормальные, как мы.

Они сделали на данный момент все, что было в их силах. Словом, можно возвращаться на базу и, если больше ничего не случится, забрать у ночи пару-тройку часов сна...

Илье удалось немного поспать. Но утром он снова был на месте. Уголовное дело по факту убийства гражданки Плотниковой возбуждено, пока еще неизвестно, кто возьмет его на себя – ОВД или убойный отдел ГУВД. Но в любом случае капитан Спасский не должен был сидеть сложа руки. Убийство было совершено на его «земле», в его дежурство, ему и карты в руки. Так решило начальство, так решил он для себя сам.

Первым делом вместе с Макеевым он направился к матери убитой девушки.

Дверь оперативникам открыл пожилой мужчина с большой проплешиной на седой голове. Это был отец Ирины Павловны, дедушка покойной Лены. Слез на глазах у него не было, но запах валерьянки угадывался на расстоянии.

Ирина Павловна уже проснулась, но в себя еще не пришла. Сидит в кресле, смотрит куда-то в пустоту. Никак не может поверить в то, что Лены больше нет. Тяжело говорить с матерью, накануне потерявшей дочь, и тем не менее нужно. Легко понять ее горе, так же легко, как трудно заставить себя разговаривать с ней.

– Ирина Павловна, я, конечно, понимаю, как вам сейчас тяжело, но расследование не должно стоять на месте, – начал Илья. – Мы должны как можно скорее найти убийцу вашей дочери...

Женщина молча кивнула. Да, она готова помочь следствию.

– Вашей дочери девятнадцать лет... э-э, было девятнадцать...

– Я отвечу на все ваши вопросы, – умоляюще посмотрела на него Ирина Павловна. – Только прошу вас, не говорите о Лене в прошедшем времени... Да, ей девятнадцать лет...

– Учится в институте, так?

– Не в институте, в академии, хотя какая разница... Заканчивает второй курс финансовой академии.

– Вчера она возвращалась домой в районе одиннадцати вечера. Не самое, конечно, позднее время для самостоятельной девушки, тем более что на дворе весна, темнеет поздно. Но все же хотелось бы знать, где она была? Может, в академии допоздна засиделась или иные причины были задержаться, может, с парнем гуляла?.. Есть у нее парень?

– Есть. Максим зовут. Они вчера в кино собирались идти, на вечерний сеанс...

Ирина Павловна надрывно всхлипнула и ткнулась лицом в раскрытые ладони. Но уже минут через пять она снова могла разговаривать.

– А вы с этим Максимом знакомы? – спросил Илья.

– Да, конечно. Хороший мальчик из хорошей семьи, на одном курсе с Леной учится. Она познакомила нас. Максим произвел на меня положительное впечатление. Умный, рассудительный, очень серьезно относится к жизни... Заметьте, они в кино вчера ходили, а не в какой-нибудь ночной клуб, где собирается всякий сброд...

– Я так думаю, как порядочный кавалер, Максим должен был проводить Лену домой.

– Ну, разумеется. Он всегда ее провожал...

– Но в роковой для нее момент его с ней не было. Как вы можете это объяснить?

– Обычно он провожал ее до дверей подъезда, а потом уходил. Наверное, так было и в этот раз, я не знаю...

– Ясно. А как вы думаете, Максим способен убить человека?

– Ну что вы, он и мухи не обидит... Вы думаете, это он убил Лену?.. Нет, это исключено. Не тот он человек, чтобы с ножом в кармане ходить. Да и зачем ему Лену-то убивать? У них были такие прекрасные отношения. Он пылинки с нее сдувал...

– Пылинки сдувал, значит, очень любил. А там, где любовь, там ревность. А где ревность, там до безумия недалеко... Может, Лена завела себе нового друга, а Максим приревновал...

– Да нет, этого не может быть. Я бы знала, если бы у Лены появился другой парень, она всегда со мной делится своими секретами... Да и не нужен ей никто, Максим устраивает ее во всех отношениях... Вот Виктор не устраивал. Никогда не устраивал...

– Виктор?! Какой Виктор? Колосков?

– Вы про него уже знаете?.. Да, он, Колосков за Леной еще с девятого класса бегал. Но она-то взаимностью ему не отвечала. И хорошо, что не отвечала...

– Хорошо? Почему?

– Да непутевый он какой-то. Вечно то с рогаткой, то с пугачом, вечно что-то взрывает... Его ровесники давно уже за ум взялись, а он все наиграться не может. Самому девятнадцать, а он четырнадцатилетними оболтусами верховодит. В подвале у них что-то вроде штаб-квартиры. Честное слово, не так было бы страшно, если бы они пиво там пили, хотя, может, и пьют. Но они там бомбы мастерят, как их, эти – взрывпакеты. Так и ждешь, что вот-вот дом на воздух взлетит.

– Вы говорите, что Колосков за Леной с девятого класса бегал. Значит, она ему нравилась, но взаимностью не отвечала. А как Виктор воспринял, что у Лены появился Максим...

– Ну, до Максима еще Сергей был... Так Виктор этого Сергея избил. Сказал, чтобы его ноги во дворе не было... У него хоть и детство в одном месте играет, но парень он здоровый, рослый. Сила есть, ума не надо...

– А Максима не трогал?

– Да вроде нет. Максим парень крепкий, себя в обиду не даст... Лене досталось...

– Виктор ее бил?

– Ну нет, до этого дело не дошло. Он ее... Он ее ругательным словом обозвал...

– Не угрожал, не обещал убить?

– Да вроде бы не было... Пойдите-ка! – встрепелась Ирина Павловна. – А может, это он, Витя... Может, это он Лену и убил?..

– А он мог это сделать?

– Да от него чего угодно можно ждать!

Женщине стало дурно от предположения, что ее дочь мог убить соседский парень...

* * *

На этот раз Дарья Алексеевна открыла дверь без всяких проволочек. Извинилась за вчерашний, а если точнее, сегодняшний случай.

– Спать хотела, сил нет, не до разговоров... – вымученно улыбнулась она.

– А сын ваш Виктор спал? – спросил Илья.

– А зачем он вам? – всполошилась мать.

– Да поговорить надо.

– Нечего с ним говорить! Он ни в чем не виноват! Не убивал он Ленку!

– А никто его в убийстве не обвиняет.

– Не надо! Я вас насквозь вижу! Вы Витю моего пришли арестовывать!

– А почему вы так думаете? Вы что-то знаете?

– Ничего я не знаю... Знаю только, что Лену он не убивал!..

– Что вы так беспокоитесь?

Поведение Дарьи Алексеевны могло показаться подозрительным даже неискушенному в сыских делах человеку. Что ж тогда говорить про капитана Спасского, который собаку съел на этих делах.

– А то, что знаю, какие гадости про моего Витю говорят!.. Да, он может разбить стекло, лампочку, может бросить петарду под машину... Но чтобы человека убить, нет!.. А то, что Лена ему нравилась, так это было давно и неправда!..

– Вот и хорошо, что он не убивал. А поговорить с вашим сыном можно?

– Нет его.

– А где он?

«Уж не подался ли в бега ненароком, – подумал Илья. – Все возможно под луной...»

– Нет его, гулять он ушел. А что, не имеет права?.. И зачем я вам только звонила! – в сердцах воскликнула Дарья Алексеевна.

– Правильно сделали... Квартиру осмотреть можно?

Вместе с Макеевым он осмотрел квартиру, но никого не нашел. Дарья Алексеевна была в квартире одна.

– Как только Виктор появится, пусть позвонит мне по телефону... Если он, конечно, ни в чем не виновен.

Илья нацарапал номер телефона на клочке бумаги, отдал его Колосковой и был таков.

– Не нравится мне этот Витек, – уже на улице сказал Макеев.

– Мне тоже... – кивнул Спасский.

– Плотникова про какой-то подвал говорила. Может, он сейчас там?

На скамейке возле соседнего подъезда сидели два юнца. Лет по пятнадцать каждому. Курили, никого не стесняясь, да еще пиво из бутылок цедили. Сейчас Илье было не до нравов, учений, морального разложения общества. Ему нужно было найти Виктора Колоскова, и эти куряки и выпивохи могли ему помочь. Да, они видели, как Витька сегодня утром лез в подвал.

Дверь в подвал была в торце дома. Она оказалась открытой, и Илья с напарником спустились вниз.

В подвале было сухо и темно. Широкий гулкий коридор, по правую сторону проемы, через которые можно было попасть в тот или иной отсек. В одном таком отсеке мог находиться Колосков.

В дальнем конце коридора из проема в стене, подрагивая, сочился скупой свет. Скорее всего, свеча горит.

Илья вспомнил недавний случай, когда они брали грабителей, и, на всякий случай достав пистолет, тихонько передернул затвор. Береженого, как говорится, бог бережет. Макеев последовал его примеру. Ему тоже жить охота...

Они подкрались к отсеку. Сейчас они так же бесшумно войдут внутрь. Как снег на голову свалятся...

Колосков выскочил из темноты как черт из табакерки, причем и с таким же дьявольским смехом. И тут Илья увидел пистолет, который он держал двумя руками.

– Убью! – страшным голосом заорал Виктор.

И тут же раздался выстрел.

Стрелял Илья. Выработавшийся за долгие годы службы рефлекс на смертельную опасность заставил его нажать на курок. Колосков дернулся, будто нарвался на какую-то невидимую стену, выронил из рук пистолет и с утробным воем схватился за живот, куда угодила пуля. Сначала упал на колени, затем свалился на бок. Лицо перекошено от боли, глаза выпучены, правая нога конвульсивно дергается. Парень жутко выл... Картина не для слабонервных.

– Ни хрена себе!

Макеев подобрал с полу пистолет, протянул Илье. Как будто провод с высоковольтной линии на голову упал – пробрало от макушки до самых пят. Пистолет-то пневматический. Но не та дешевая китайская дрянь, которой наводнены магазины. Он был точной копией немецкого «вальтера». И пластик здесь, и металл, все подогнано, отлажено. Около тысячи рублей такая игрушка стоит... Игрушка. А Илья из-за нее выстрелил в человека...

Колосков был серьезно ранен, но жив. Может, еще есть шанс спасти его... Пуля попала в брюшную полость, в район желчного пузыря. Очень хотелось надеяться, что рана несмертельная. Но парень истекал кровью, надо оказать ему первую помощь. Спасский стянул с себя рубашку, майку, перетянул рану. Потом осмотрел руки Колоскова. Рубца не было ни на правой, ни на левой ладони...

«Скорая помощь» приехала на удивление быстро. Парня оперативно погрузили в машину и увезли. Сейчас больше всего на свете Илья боялся встречи с Дарьей Алексеевной. Но она еще ничего не успела узнать. Ей сообщат чуть позже. Может, уже бежит какой-то малец к ней домой, жмет на клавишу звонка... В оперативную машину Илья садился с такой поспешностью, как будто за ним гналась стая голодных волков...

Сказать, что Илья возвращался в отдел в скверном настроении, значит не сказать ничего. Никогда не было ему так тошно, как сейчас. И дело даже не в грядущем и к тому же справедливом прокурорском гневе – совесть мучила.

– Да ты не переживай, – пробовал успокоить его Макеев. – Ты действовал правильно. Откуда ты мог знать, что пистолет не был боевым?

– Должен был знать. Был у него пневматический пистолет, из которого он лампочки побил. Я должен был понять, что пистолет был ненастоящим...

– А если бы пистолет настоящим оказался? Пока бы ты понимал, этот Колосков бы тебя пристрелил.

– Но ведь не пристрелил же! Зато я в него пулю вогнал почему зря...

– Не зря. Ты мент, ты был при исполнении. А этот придурок с пистолетом на тебя выскочил. Он хоть и пневматический, но от боевого не отличишь. Я и сам стрелять собирался, потому как думал, что ствол настоящий. Так в рапорте и напишу, можешь не сомневаться...

– Да в тебе-то, Леша, я не сомневаюсь. Я в себе сомневаюсь. Не должен был я стрелять, а выстрелил.

Колоскова отвезли в Склиф, там ему сделали операцию. Врачи обнадежили, что парень жить будет. Но Илье от этого легче не стало. И совсем стало тошно, когда он узнал результаты экспертизы. Кровь на стене принадлежала убитой Лене Плотниковой. Теперь не оставалось никаких сомнений в том, что кровавый отпечаток оставил убийца. А им, разумеется, Колосков не был, раз шрама на руке у него не оказалось.

На следующий день после операции Виктор Колосков пришел в сознание, а еще через день дал показания. Почему бросился на оперативников с пистолетом? Так он думал, что это его друзья-приятели идут, напугать их решил. Слово «недоумок» в данном случае звучит как диагноз. Но как бы то ни было, не должен был Илья стрелять в него.

Прокуратура начала расследование на предмет установления правомерности применения служебного оружия. Илья не хотел оправдываться, но должен был делать это, чтобы не загреметь по статье. Должен был, но не сделал. Хотел написать в рапорте одно, а написал другое. Дескать, испугался, поторопился, необоснованно выстрелил, вины с себя не снимаю, готов понести наказание. Разумеется, рапорт не мог не пройти мимо начальника ОВД.

Подполковник Пылеев вызвал Илью к себе в кабинет. Брови словно тучи, в глазах молнии.

– Спасский, ты что, совсем из ума выжил? – потрясая бумагой, спросил он.

– Еще не совсем, – мрачно изрек Илья.

– А что, к этому идет?

– Может быть.

– Заметно. Такую ахинею пишешь...

– Что есть, то и пишу.

– А что есть?

– Стрелять много стал. Распоясался... Ладно, бандита убить, а тут пацан безмозглый...

– Так, давай без соплей. Ты же опер, а не смольная институтка... Что ты здесь пишешь? – Пылеев снова потряс бумагой. – А что ты должен был написать?.. Так, сейчас...

Пылев взял со стола талмуд с нормативными актами, листал, листал, наконец родил:

– Так, в рапорте сотрудник милиции указывает время, место применения оружия, имеющиеся сведения о лицах, против которых оно применялось, цели и обстоятельства применения оружия... Так, так... Вот, своим рапортом сотрудник милиции должен, опираясь на конкретные обстоятельства дела, по существу доказать, что создавшаяся обстановка давала ему право прибегнуть к огнестрельному оружию... Ты доказывать свою невиновность должен, а ты что пишешь? Перед кем ты каешься? Перед прокурором? Он что, священник, мать твою? На нары захотел? Так это быстро с твоими писульками... Забери эту чушь! И напиши все, как было!.. И не надо нюни распускать. Вспомни, как вы на прошлой неделе отморозков задерживали. У тех оружие настоящее было. Ты вынужден был применить оружие... И у этого Колоскова мог оказаться настоящий пистолет. Ты знал, к чему это может привести. Ты выстрелил, чтобы не оказаться трупом. И никаких раскаяний, понял? Раскаяния для жены побереги...

– И для себя, – тихим голосом добавил Илья.

– Что?

– А то, что шесть трупов на мне. За всю службу шесть человек убил. Колоскова вот ранил... Надоело все, устал я.

– Устал – отдохни, в чем проблема. Расследование по твоему делу закончится, ну, если все нормально будет, бери отпуск и на юга. Или за границу съездишь, ну, это уже по выбору... А пока давай этим делом, по Плотниковой, занимайся. А то я не наблюдаю никаких сдвигов...

Действительно, никаких результатов расследование пока не дало. Макеев отыскал Максима, друга покойной Лены, допросил. Судя по его реакции, парень не был причастен к убийству. Но внешняя реакция на происходящее – субстанция обманчивая, да и к делу ее не пришьешь. А то, что на ладонях Максима отсутствовал характерный шрам, расставляло все по своим местам. И папиллярные узоры тоже не соответствовали отпечатку, который оставил убийца.

В тот злополучный вечер Максим проводил Лену до подъезда. Поцеловались на прощание, сделали друг другу ручкой и в разные стороны. Кто ж знал, что случится в подъезде... Было уже темно, когда он попрощался с Леной. Направился к троллейбусной остановке, скорым шагом прошел метров двадцать, когда услышал цокот женских каблучков. Овернулся – Лена. Идет за ним. Ну мало ли что, сказать ему что-то хочет... Но скоро он понял, что эта девушка не имела к Лене никакого отношения. Хотя чем-то была похожа на нее. Примерно такая же прическа, такие же темные волосы, легкий топик, джинсы, босоножки на высоком каблуке. Такая же стройная, красивая, ходя другой склад лица... Но это была не Лена. Откуда она шла? Этого Максим сказать не мог. Может, из первого подъезда выходила, может, из второго. Максим ее окликнул, но она никак не отреагировала. Даже головы к нему не повернула. Она явно была чем-то взволнована, озабочена. Спешила... Девушка села в машину и уехала. Какая машина? Иномарка. Кажется, красного цвета. То ли «Фольксваген», то ли «Пассат», то ли «Бора». Номера? Нет, на номера Максим не обратил внимания. Как сообразил, что это не его девушка, потерял к ней всякий интерес... Да и для следствия эта девушка особого интереса не представляла, поскольку отпечаток окровавленной ладони не мог принадлежать женщине. И удар был мужской... Хотя, конечно, стоило разыскать ее. Но, как это ни обидно было осознавать, Илья потерял интерес к сыскной работе. Возможно, из-за недавнего события. Возможно, из-за усталости, накопившейся в нем за многие годы оперативной работы...

– Пусть этим делом кто-нибудь другой занимается, – сказал и отвел глаза в сторону. – Я не хочу...

– Что значит – не хочу? – вытаращился на него начальник. – Что это еще такое, хочу – не хочу...

– Не могу я в том доме появляться. Как я Колосковой в глаза смотреть буду после того, что было? Да и люди коситься будут...

– Так, понятно, – нахмурился Пылеев. – Хорошо, пусть этим делом Макеев и Рудницкий занимаются. А ты другими займись, их у тебя с избытком...

Да, дел действительно хоть отбавляй. Но если раньше Илья брался за них с удовольствием, то сейчас только мысль о том, что необходимо браться за очередное расследование, давила на него и угнетала. Не было никакого желания тащить на себе весь этот криминальный воз. Надоело. Сломался Спасский... Может, менты как раз после двадцати лет выслуги и ломаются, а потому по закону имеют право выходить на пенсию? Он-то как раз столько лет и отслужил. Можно служить и дальше, но нет больше сил...

– Не хочу ничем заниматься, – мрачно изрек Илья. – Перегорело...

– С тобой все ясно, тебе медицинская помощь нужна.

С недавних времен после применения огнестрельного оружия сотрудникам милиции предоставлялась возможность медико-психологической реабилитации. Краткосрочный отпуск от трех до семи суток, лечебно-профилактическое лечение по месту службы. Это называется

снять постстрессовый синдром. Милое дело, вывести человека из одного стресса, чтобы затем обратно окунуть его в криминальное болото.

А может, хватит барахтаться в этом болоте? Зачем все это нужно? Работаешь, как проклятый, отдаешь себя делу целиком и без остатка, а что взамен? Более чем скромная для Москвы зарплата да смехотворное для его возраста звание. Илье *всего* тридцать восемь, а он *уже* капитан. Да еще с женой вечные проблемы из-за этой работы. Надоело все, надоело.

Он переписал рапорт о случившемся в соответствии с требованиями нормативных документов. Но приложил к нему и другой рапорт – на увольнение.

Глава третья

Игорь Духов жил вместе с матерью в загородном доме. Пятнадцать километров от Москвы, великолепные места, озеро в двух шагах, элитный поселок. И сам дом на зависть жителям соседней деревеньки. Огромный, в два этажа, круглые башенки со стрельчатыми окнами, черепичная крыша в готическом стиле, во дворе английский газон, аккуратные елочки по периметру, бассейн... Единственный недостаток – поблизости не было школы. Деревенская школа не в счет, мама бы не отдала Игоря туда ни за какие коврижки.

Впрочем, проблему со школой можно было решить в два счета. Татьяна Геннадьевна могла бы нанять водителя, который бы возил сына в элитную школу, расположенную где-нибудь в черте Москвы. Но она наняла гувернантку. Пусть сын занимается дома, решила она, так спокойней. В любой школе, даже в частной, всегда могут найтись хулиганы, которым ничего не стоит обидеть Игорька. А еще хуже, в школу могут проникнуть наркотики. Говорят, что в частных школах с этим беда, там же учатся дети состоятельных родителей, а значит, избалованные, и у них есть деньги...

Сам Игорь хотел бы учиться в школе. О хулиганах и наркотиках он и не помышлял. До пятого класса он учился в школе, у него были друзья, было с кем поговорить о веселом и поделиться грустным. Да и с девочками заигрывать интересно... Но с мамой не поспоришь, она у него женщина волевая, властная. Сказала на белое – черное, и ты должен соглашаться с ней. Не хочешь – заставит...

Но с домашней учительницей возникли проблемы. Это за границей институт гувернанток развит хорошо, а в России все как в России. Одна гувернантка оказалась старой и глупой, другая относительно молодой, умной, но истеричкой. Да и мама тоже хороша. Третья гувернантка знала свое дело, нашла с Игорем общий язык, подтянула его по всем предметам. Но не сошлась с Татьяной Геннадьевной во мнении по вопросам воспитания детей. Как говорится, нашла коса на камень... Шестая по счету гувернантка оказалась настоящей Фрекен Бок из шведской сказки. Но Игорю не очень-то хотелось чувствовать себя при ней Малышом, поэтому маме пришлось и ее уволить.

Игорю было уже четырнадцать, он должен был учиться в девятом классе, но едва тянул программу седьмого. В самую пору бить тревогу, всерьез взяться за образование сына, но мама не унималась. Все подыскивала новую гувернантку. И пока что безуспешно.

Мама владела собственной туристической фирмой, довольно крупной по российским меркам. Работала, что называется, не покладая рук. Уезжала рано, возвращалась поздно, только по выходным Игорь ее и видел. Но сегодня она приехала домой раньше обычного. Без стука зашла в его комнату. На губах загадочная улыбка.

Татьяна Геннадьевна недавно отпраздновала свое «шестнадцатилетие». На самом же деле ей стукнуло тридцать пять. Но выглядела для своих лет она здорово. Моложавая, элегантная, ухоженная, поведение и стиль деловой леди. То, что она красивая, и говорить нечего. Для каждого ребенка его мама самая красивая женщина в мире.

– Не надоело бездельничать? – спросила она.

– Надоело, – честно признался Игорь.

Когда ходишь в школу, кажется, что хуже этого занятия ничего в мире нет. Но когда маешься от безделья, не знаешь, чем себя занять, тогда школа манит и зовет.

– Учиться тебе надо.

– Сам знаю... Мам, отправь меня в школу, а? Пусть это будет восьмой класс, мне уже все равно...

– Еще чего! Мой сын – и второгодник... Нет, так не пойдет, мой дорогой.

– Если заплатить, меня возьмут в девятый, а я тебе обещаю, что наверстаю упущенное...

– Заплатить, какой ты умный!.. Я уже заплатила. У тебя, дорогой мой, новая гувернантка. Отличные рекомендации от солидных людей, а это, сам должен понимать, немаловажно...

Игорь тяжело вздохнул. Опять ему подsunут какую-нибудь дуру с умным лицом. Надоели ему эти бестолковые тетки, которые только вид делают, что знают все на свете. Попадется какая-нибудь сушеная вобла или толстуха с вонючими подмышками. Маме-то что, ей с нею не заниматься.

– Давай выключай свой компьютер, пошли в холл, там тебя ждут. И оденься поприличней, ты же ученик как-никак...

– Что, костюм и галстук-бабочку?

Мама оставила его ехидный вопрос без ответа. Сам должен понимать, что в данном случае костюм неуместен. Достаточно надеть белую водолазку и джинсы, но без хипповых дыр и вырезов.

Вместе с мамой Игорь спустился по мраморной лестнице в холл. Но никакой учительницы он там не обнаружил. Правда, на белом диване сидела какая-то девушка... Нет, не какая-то, а очень красивая. Светлые, густые и прямые волосы, лицо и глаза на загляденье, фигурка – аж дух захватывает. Ей бы сексуальный топик, так, чтобы груди наружу вываливались, да мини-юбку – тогда рядом с ней стоять будет отпад. Сначала глаза вылезут, а затем и сам наизнанку вывернешься... Глаза у Игоря и полезли на лоб, и нижняя челюсть не хотела держаться на месте. На ней был нежный светлых тонов джемпер с высоким воротом, длинная юбка темно-серого цвета. Ничего сексуального в одежде, зато под ней... Интересно, кто это такая? Может, мамина новая секретарша? Видно, что девушка серьезная, глаза неглупые...

Мама уже не улыбалась загадочно. Строгая, официальная.

– Игорь, знакомься, это Алина Борисовна, твоя новая учительница.

Игорь ушам своим не поверил. Эта «мисс белокурое совершенство» и есть его новая гувернантка?.. Вмиг расхотелось учиться в школе. А за учебники загорелось сесть немедленно. Только сможет ли он думать об учебе, когда останется наедине с этим чудом?..

– Алина Борисовна закончила школу с золотой медалью, с отличием окончила факультет иностранных языков педагогического университета. Опыт работы по специальности домашнего учителя – два года...

Это все, конечно, интересно, но Игорю хотелось бы узнать другое. Как Алина Борисовна относится к четырнадцатилетним мальчикам? Какую музыку она предпочитает? Как она относится к вопросам полового воспитания? Нравится ли ей листать в Интернете порнографические сайты?.. Но разве маму об этом спросишь? Да и не сможет она дать ответы на эти вопросы. А у самой Алины Борисовны спросить язык не повернется. Улыбается она мягко, душевно, но не видать в ее взгляде распутного огонька, как у тех проституток, фотографиями которых изобилует Интернет. Видно, что с ней не забалуешь. Вот узнать бы, на каком чате чатится Алина Борисовна, да выйти на нее, да инкогнито расспросить обо всем. Может быть, в нем она кое-что о себе и рассказала.

Игорь стоял и смотрел на новую гувернантку, а у самого каша в голове. И целый ворох бредовых мыслей. Алина Борисовна всего лишь мило кивнула ему в знак приветствия. А он был бы не прочь, если бы она поцеловала его, хотя бы в щеку...

– Игорь, если у тебя есть какие-то вопросы к учительнице, задашь их завтра, – сказала мама. – Алина Борисовна устала с дороги, ей нужно немного отдохнуть... Иди к себе.

Игорь привык слушаться маму во всем. И хотя ему не хотелось уходить, он подчинился. Медленно стал подниматься по лестнице.

– Как видите, Игорь мальчик у меня послушный, – услышал он голос мамы. – Надеюсь, что под вашим чутким руководством он и вовсе станет образцово-показательным... Пойдемте, Алина, я покажу вам вашу комнату!

Татьяна Геннадьевна могла любить и ненавидеть, но даже с не угодными ей людьми она обращалась на «вы» и вежливо. Такой у нее стиль. Но вежливость вежливости рознь. Можно говорить вежливо-холодным тоном, а можно теплым. С Алиной же Татьяна Геннадьевна разговаривала в нейтральном тоне. Игорь очень хотел, чтобы мама прониклась к ней настоящим, а не показным уважением. Еще по пути в свою комнату он решил, что со своей стороны приложит все усилия для того, чтобы на «отлично» усвоить все, что будет преподавать Алина. Он будет послушным и ответственным учеником. Нельзя давать маме поводов для разочарования. Нельзя, чтобы она выставила новую учительницу за дверь.

Игорь проснулся в семь утра, хотя обычно спал до девяти, а то и до десяти. Сегодня он начинает новую жизнь. Ему четырнадцать лет, но его комплекция не очень-то соответствовала возрасту. Маленький, щупленький. Раньше это его нисколько не смущало. Но перед лицом Алины хотелось выглядеть таким суперменом, который может горы своротить. Раньше он посмеивался над качками-культуристами. Тягают железо, надрываются, не жизнь, а каторга. Даже вид спорта смешно называется. Бодибилдинг. «Бо» – это большой. «Дибил» – и так ясно, что означает. Большой дебилизм... Сегодня же он думал иначе. Сегодня он захотел быть большим, но не дебилом.

Дом у них большой, комнат много. Одну из них на втором этаже занимал тренажерный зал. Самодвижущаяся беговая дорожка, степпер, велотренажер, силовая станция для прокачки всех мышц, даже боксерская груша. Занимайся – не хочу. Мама занималась, потому что стремилась держать себя в форме. Теперь и сам Игорь будет заниматься, потому что хочет быть сильным и мужественным.

На первом этаже размещались холл, кухня, столовая и комнаты для прислуги – экономки и гувернантки. Там и ванная комната для них, чтобы они не занимали хозяйскую. Но было бы неплохо, если бы комната Алины находилась на втором этаже и она пользовалась бы ванной, которой пользовался он сам, чтобы почаще с ней встречаться. А еще он хотел, чтобы Алина зашла в тренажерную, чтобы увидеть, как лихо он управляет с силовым агрегатом. Но увидела мама.

– Что это с тобой, сынок? – не без насмешки в глазах спросила она.

– Да вот... ых, ых... подумал, что... ых, ых... оборудование без пользы простаивает...

С бравым видом он поднялся с подвижной скамьи, шумно выдохнул воздух из легких.

– А не надорвешься?

– Да я даже не устал...

Он уже сейчас чувствовал себя героем, которому все нипочем. И куда только делась извечная робость перед властной мамой... И перед Алиной он робеть не будет. Пусть знает, что имеет дело с настоящим мужчиной-завоевателем.

Мама встала на беговую дорожку, но не задержалась на ней. Пробежала немного и с озадаченным видом вышла из комнаты... Что это с ней? Обычно она проводит в тренажерной не меньше получаса. Игорь пожал плечами, надел боксерские перчатки и ткнул боксерскую грушу – только она почему-то даже не пошевелилась: удар слабый, смазанный, и это с горечью и отметил парень. Но унывать не стал. Со временем к нему придет все – и сила, и ловкость. Тогда груша будет мухой летать по спортзалу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.